

№ 3

- II

1:

3. Жаботин
ПОЛЯКИ

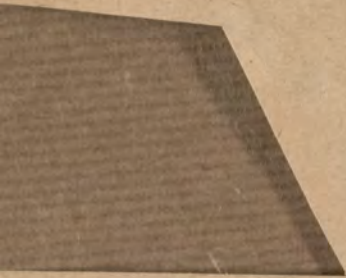
И ЕВРЕИ

Статьи: А. Гартгляса, А. Давидсона, В. Жаботинского, Я. Киршрота, Observer'a

„ДЕШЕВАЯ ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Изд-во „ВОСТОКЪ“ С.-Петербургъ

<http://rcin.org.pl>

<http://rcin.org.pl>

ПОЛЯКИ И ЕВРЕИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

А. Гартгляса, А. Давидсона, В. Жаботин-
скаго, Я. Киршрота, Observer'a

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 79
Tel. 26-69-63

Книгоиздательство „ВОСТОКЪ“
С.-Петербургъ
1913 г.

LIBRARY

1. The following books
2. A. B. C. of the
3. The history of the
4. The life of
5. The art of
6. The science of
7. The practice of
8. The theory of
9. The principles of
10. The foundations of

Юнь 1913 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Отношенія поляковъ къ евреямъ рѣзко перемѣнились за послѣдній десятокъ лѣтъ. Раньше въ Польшѣ не было антисемитизма въ обычномъ смыслѣ этого слова, и поляки всегда гордились своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ евреямъ. Не было дружбы, но было вполне мирное сожителство. Въ высшихъ слояхъ польскаго общества отношеніе къ евреямъ было полупрезрительное, полупокровительственное, смѣшанное съ барскимъ добродушіемъ. Крестьянство и мелкое мѣщанство привыкли къ евреямъ и никакими вопросами о взаимоотношеніяхъ не задавались. Литература проповѣдовала гуманныя идеи вообще и, понятно, по отношенію къ евреямъ въ частности. Внутри еврейства, экономически сравнительно обезпеченнаго, никакихъ сильныхъ общественныхъ движеній не было. Просвѣтительное и реформаторское движенія 60-хъ и послѣдующихъ годовъ прошли мимо него, національно-сіонистское движеніе мало его за-

дѣло. Зато отъ него отъкалывались верхніе слои, окончательно порвавшіе съ еврействомъ, за исключеніемъ формальной принадлежности къ религіи. Получилась, съ одной стороны, отсталая еврейская масса (хассиды), съ другой — «поляки Моисеева закона» (ассимиляторы), служившіе для прогрессивнаго польскаго общества идеаломъ будущаго польскаго еврейства.

Рѣзко дѣла измѣнились въ началѣ освободительнаго движенія. Главная причина заключалась въ томъ, что въ Польшѣ постепенно образовался торгово-промышленный классъ изъ вытѣсняемаго крестьянства и бѣднѣющаго шляхетства. Эти элементы стремятся занять тѣ мѣста въ хозяйственной жизни страны, которыя до сихъ поръ занимали и занимаютъ евреи. Къ этому еще прибавляются національно-политическіе мотивы. Крушеніе надежды на скорое полученіе автономіи, перспектива долгой и упорной борьбы за сохраненіе своей національности заставили поляковъ перемѣнить свою политическую тактику. Большіе широковѣщательные идеалы они замѣнили системой постепенныхъ мелкихъ пріобрѣтеній изъ рукъ русской реакціи путемъ компромиссовъ и отреченія на время отъ широкихъ правъ. Съ другой стороны, главной задачей стало укрѣпленіе своихъ экономическихъ и національныхъ позицій внутри Польши, глав-

нымъ образомъ, укрѣпленіе національной культуры, т. е. созданіе культурнаго единства, способнаго на длительное сопротивленіе. Противъ русскихъ элементовъ въ Польшѣ полякамъ, конечно, бороться нельзя, такъ какъ за ними сильная рука. И вся борьба направилась противъ евреевъ. Среди самихъ евреевъ также произошла значительная перемѣна. Благодаря вліянію со стороны русскаго еврейства и переселившихся въ Польшу «литваковъ», евреи (въ особенности молодое поколѣніе) начали націонализироваться, отказываться отъ прежняго положенія «ма-іофис»-наго еврея и отстаивать свое человѣческое и національное достоинство. Выступленіе еврейскихъ массъ во время выборовъ въ первыя Думы показало, что евреи вовсе не индифферентная масса и—еще менѣе «поляки». Пролетарскіе элементы выступали подъ флагомъ интернаціонализма, а тѣ, которые стояли на національной почвѣ, говорили о еврейскомъ, а не о польскомъ націонализмѣ,—по крайней мѣрѣ, въ культурномъ отношеніи. И активные элементы буржуазнаго еврейства становились все менѣе склонными скрывать свое еврейство. Развилась еврейская пресса, развились еврейскія культурныя учрежденія, литературные кружки, театры и т. д., словомъ, поляки увидѣли, что «поляки Моисеева закона»—это единичныя, оторванные личности, и что въ дѣйствительно-

сти въ Польшѣ живеть еврейская нація, имѣющая волю отстаивать свое національное бытѣе и вступившая на путь національнаго культурнаго развитія.

Началась борьба съ евреями и еврействомъ, на которой сосредоточилось вниманіе всего польскаго общества съ верховъ до низовъ. Борьба ведется систематически въ литературѣ, въ обществѣ, самыми различными путями. Отдѣльные, болѣе яркіе этапы этой борьбы—слѣдующіе: Когда обсуждался вопросъ о введеніи городского самоуправленія въ Польшѣ, поляки—сперва робко, потомъ смѣло—ратовали за ограниченіе участія евреевъ въ самоуправленіи. Особенно ожесточенно было столкновеніе во время выборовъ въ 4 Гос. Думу въ г. Варшавѣ. Евреи случайно оказались въ большинствѣ. Объединенная польская буржуазія выставила кандидата,—сторонника еврейскихъ ограниченій и потребовала отъ евреевъ, чтобы они голосовали за этого кандидата. Смыслъ этого требованія былъ ясенъ. Евреи должны были сами санкціонировать своими голосами тотъ взглядъ, что ихъ мнѣнія вообще не существуетъ, что избранникомъ можетъ считаться лишь тотъ, кто имѣетъ за собою большинство польской части населенія, что евреи должны либо просто отказаться отъ участія въ выборахъ, либо слѣпо отдавать свои голоса по приказу поляковъ. Это тре-

бованіе было равносильно сведенію всего польскаго еврейства къ нулю не только въ національномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Это было не ограниченіе евреевъ въ правахъ, а лишеніе ихъ всякихъ правъ, превращеніе ихъ въ пустое мѣсто, съ которымъ считаться не слѣдуетъ. Поляки съ евреями даже не вели переговоровъ,—они приказывали и грозили репрессіями въ случаѣ неповиновенія. Евреи не имѣли достаточно мужества, чтобы подчеркнуть свою полную гражданскую равноцѣнность избраніемъ еврея, но на избраніе антисемита они не пошли. Они избрали поляка социаль-демократа.

(Послѣ такого «возмутительнаго» поступка начались—усиленная травля, избиенія, экономическое вытѣсненіе, изгнаніе изъ обществъ, поджоги, доносы, мелкіе погромы и прочія хулиганскія дѣйствія, которыя почему-то носятъ сравнительно «благородное» названіе бойкота.) Съ явленіями этого «бойкота» читатель знакомъ по газетамъ. Цѣль предлагаемыхъ статей — дать хоть слабое представленіе о причинахъ возникновенія борьбы и о настроеніи части еврейскаго общества въ Польшѣ (статьи Гартгляса, Киршрота и Observer'a), о значеніи ограничительныхъ мѣръ въ законѣ о самоуправленіи и о нѣкоторыхъ взглядахъ на то, какъ еврейское общество должно реагировать на

польское нападеніе (ст. Давидсона, Жаботинскаго, Гартгляса). Конечно, послѣднія статьи носятъ публицистическій характеръ, т. е. предлагаемая въ нихъ тактика еще является спорной. Мы ихъ даемъ не какъ практическое предложеніе, а только для того, чтобы показать читателю, какіе существуютъ взгляды по данному вопросу.

Редакція.

Августъ 1909 г.

А. Гартгляръ

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОСЪ.

Сто лѣтъ чужеземнаго ига, сто лѣтъ страданій растерзаннаго на три части народа, гордаго своимъ богатымъ историческимъ прошлымъ, своей блестящей и многосторонней культурой, сто лѣтъ жизни въ тискахъ говоренія подь сурдинку, вынужденнаго коверканія своего родного быта по чужимъ образцамъ, выработали въ полякѣ чрезвычайную національную чуткость и нервность. Нѣтъ почти вопроса, говоря о которомъ полякѣ немедленно же не связалъ бы его со своей національной скорбью. Понятіе о своемъ національномъ горѣ полякѣ тоже имѣетъ нѣсколько преувеличенное: забывая о страданіяхъ другихъ поработенныхъ и угнетенныхъ націй, поляки считаютъ себя самымъ несчастнымъ среди народовъ міра.

Вся польская литература, всѣ лучшія произведенія польскаго духа посвящены поэтому размышленіямъ надъ сущностью и причинами національнаго горя, исканію

путей для его устранения. Такие титаны слова и творчества какъ Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій, Выспанскій и др. всецѣло поглощены національнымъ вопросомъ. На этой почвѣ создаются цѣлыя мистическія, мессіанскія теоріи, увлекающія за собою молодежь, составляющія символъ вѣры цѣлыхъ поколѣній.

Казалось бы, что народъ, столь изстрадавшійся въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, народъ, подымавшій неоднократно знамя возстанія съ лозунгомъ «за вашу и нашу свободу»,—долженъ былъ относиться если не сочувственно, то по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ къ чаяніямъ другихъ угнетенныхъ національностей. Но дѣйствительность, къ сожалѣнію, убѣждаетъ въ противоположномъ. Полякъ весьма сочувственно относится къ борьбѣ далекихъ ирландцевъ съ англичанами за ихъ экономическую самостоятельность, или бретонцевъ съ французами за національную, но въ то же время встрѣчаетъ враждебно всякое проявленіе національнаго духа русиновъ и евреевъ. Особенно послѣднихъ.

Полякъ по своей природѣ склоненъ къ шовинизму. Многовѣковая борьба католической Польши на 3 фронта, съ протестантскимъ германизмомъ на западѣ, съ московскимъ православіемъ на востокѣ и съ азіатскимъ исламомъ на югѣ, выработала въ

полякъ чувство преклоненія передъ всѣмъ роднымъ и жгучей ненависти къ чужому, соединенной съ сознаниемъ собственной слабости по отношенію къ болѣе высокому по развитію западу, и полной презрѣнія къ низкой культурѣ востока. Последнее же столѣтіе развило еще опасеніе за потерю своей національно-культурной самобытности, доходющее прямо-таки до маніи преслѣдованія. Особенно силенъ панической ужасъ передъ нѣмцами и всѣмъ, что хотя бы поверхностно напоминаетъ нѣмца. Прусскій «гакатизмъ» создалъ въ Польшѣ не менѣе рѣзкій антигакатизмъ.

Всѣ эти историческіе, политическіе и національные факторы по несчастному стеченію обстоятельствъ сочетаются такимъ образомъ, что въ центральномъ пунктѣ взаимнаго пресѣченія ихъ,—какъ и слѣдовало ожидать—оказался еврей. Оставляя въ сторонѣ расовые и религіозные факторы, отталкивающіе поляка, арійца и католика отъ еврея, сеμίта и еретика, приходится констатировать, что всѣ прочія данныя достаточны для того, чтобы пропитать польское общество отъ самыхъ реакціонныхъ до самыхъ прогрессивныхъ слоевъ антисемитизмомъ.

Полякъ на своей родинѣ вытѣсняется нѣмцемъ и русскимъ изъ многихъ видовъ занятія въ сферѣ управленія, и принужденъ

браться за торговлю и промышленность; вѣсь, онъ встрѣчаетъ еврея, и загорается экономическая вражда.

Въ городахъ, гдѣ концентрируется національная культура, полякъ желалъ бы устранить совершенно изъ обихода правительственные языки, ограничить кругъ ихъ употребленія лишь официальными сношеніями съ властями. Еврейская молодежь въ правительственныхъ школахъ внѣшне ассимилируется и выноситъ правительственные языки на улицы, площади и въ публичныя собранія.

Затѣвается какое-либо грандіозное національное предпріятіе, имѣющее цѣлью отстоять самобытность народа, напр., бойкотъ правительственной школы; правительство на время уничтожаетъ процентную норму, и школа заполняется евреями и функционируетъ.

Полякъ, спасая свой національный обликъ, стѣной хотѣлъ бы себя оградить отъ всего чужого, подчеркиваетъ различіе между собой и всякимъ, говорящимъ на другомъ языкѣ; еврей всюду въ сущности тотъ же и всегда чувствуетъ связь съ другимъ евреемъ: между польскими и непольскими евреями возникаетъ тѣсное общеніе и постепенное сліянiе.

Полякъ хотѣлъ бы во имя національной идеи сконцентрировать все населеніе своего

отечества; густо вкрапленныя еврейскія національныя группы всюду поневолѣ разстраиваютъ картину этого единства и создаютъ «государство въ государствѣ» съ иными идеалами, иными цѣлями, инымъ языкомъ.

Полякъ дрожитъ передъ нѣмцемъ и ненавидитъ его, ненавидитъ все, напоминающее нѣмца; еврей говоритъ на языкѣ, родственномъ нѣмецкому, поддерживаетъ связь со своими нѣмецкими сородичами и традиціонно преклоняется передъ нѣмецкой культурой.

II.

Естественно, все это создаетъ взаимное недоверіе, ѣдкую горечь въ отношеніяхъ, и съ обѣихъ сторонъ образуется накипь, обостряющая врожденную и пріобрѣтенную антипатію. Покамѣстъ все спало, все таилось подъ спудомъ, все принуждено было молчать, обѣ націи мало знали другъ друга, поляки полагали, что самобытность евреевъ это лишь плодъ некультурности, исчезающей съ момента пріобщенія еврея къ европейской культурѣ, а евреи немного надѣялись на способность поляковъ сознательно и сочувственно относиться къ угнетеннымъ націямъ. Въ революціонные дни обѣ стороны убѣдились воочию въ своей ошибкѣ,

но громкіе лозунги равенства и братства заглушили неясный еще рокоть назрѣвающей вражды,—лишь реакціонныя партіи говорили уже правду безъ обиняковъ, но мы утѣшались ихъ реакціонностью.

Но миновали дни революціоннаго подъема, и антисемитизмъ вылился наружу, причемъ въ отличіе отъ того, что было прежде, оказалось, что не только некультурная толпа и худшіе представители народа, но и лучшіе, прогрессивнѣйшіе его представители пропитаны насквозь антисемитизмомъ,—хотя немного и стыдятся, но помаленьку перестаютъ уже это скрывать. Правда, ихъ антисемитизмъ не тотъ, которымъ пропахла толпа: они не любятъ еврея не потому, что онъ родился евреемъ, а потому, что онъ хочетъ говорить, и мыслить, и дѣйствовать по-еврейски; они не любятъ сознательнаго еврея, но поневолѣ вражда ихъ начинаетъ простираться и на всякаго еврея вообще. Говоря проще, различіе между этимъ «прогрессивнымъ» антисемитизмомъ и прежнимъ «реакціоннымъ»—лишь въ сознательномъ отношеніи его носителей къ первопричинамъ своего чувства.

Для того, чтобы питать этотъ антисемитизмъ, находятъ отъ времени до времени различныя формы, доступныя широкимъ массамъ и сильно вліяющія на нихъ. Антисемитское настроеніе въ Польшѣ стало чѣмъ-то

постояннымъ, и оно принимаетъ острия формы при различныхъ мелкихъ или крупныхъ столкновеніяхъ. Много писали въ свое время о выходкахъ прогрессивнѣйшихъ представителей польскаго народа во время выборной борьбы въ первую и вторую Думу; упоминали о глухихъ угрозахъ, слышныхъ въ рѣчахъ и статьяхъ такого дѣятеля и чловѣка, какъ Свентоховскій, объ антисемитскихъ выходкахъ въ рефератахъ по школьному вопросу и о воспитаніи Изы Мощенской и др. Но тамъ еще боролись съ евреемъ, какъ съ таковымъ. Теперь же найдена форма для изображенія еврейской опасности въ болѣе грозномъ видѣ, форма болѣе доступная пониманію польской толпы, благодаря которой антисемитизмъ и ненависть къ проявленіямъ самостоятельной, культурной жизни евреевъ разгораются все больше, и постепенно достигаютъ такихъ размѣровъ, что всякое еврейское культурное начинаніе можетъ угрожать серьезной вспышкой народнаго негодованія польской толпы, способной довести до насилія. Эта форма—это угроза нѣмцемъ.

«Нѣмецъ идетъ!»—кричатъ при всякомъ проявленіи національной жизни еврейства. Евреи въ Польшѣ это авангардъ *Drang'a nach Osten*. Евреи—это скрытые нѣмецкіе культуртрегеры, это нѣмецкіе шпионы, переодѣтые, на подобіе японскихъ, купцами, ре-

месленниками и рабочими. Жаргонъ—это маска, подъ которой распространяють въ Польшѣ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую культуру. Соціализмъ—это остроумный приѣмъ нѣмцевъ путемъ еврейскихъ и предавшихся имъ или одураченныхъ ими польскихъ агитаторовъ расколоть польскій народъ на классы, нарушить его сплоченность и единство, чтобы тѣмъ легче подчинить его экономически и культурно нѣмецкому вліянію. Такъ говорятъ и пишутъ теперь открыто уже самыя прогрессивныя газеты.

Приѣхали въ Варшаву чехи. Приѣхали очень даже разумно. Когда въ прошломъ году поляки устроили экскурсію въ Богемію, имъ, правда, всюду кричали «Na zdar!», но и всюду велѣли платить втридорога. Чехи же въ Польшѣ ни за что не платили: за все платилъ экскурсіонный польскій комитетъ деньгами, собранными отъ поляковъ же, въ томъ числѣ и отъ евреевъ. Варшава заволновалась. Евреи тоже не ударили въ грязь лицомъ. На улицахъ громче всего кричала «Na zdar!» молодежь съ семитскими носами; всѣ богатые евреи считали своимъ патриотическимъ долгомъ демонстрировать на балконахъ свои настоящіе и поддѣльные персидскіе ковры. Но еврейская печать молчала, молчала потому, что представители ея не получили приглашенія участвовать въ приѣмѣ чеховъ,—а часть еврейской печати при

этомъ отмѣтила антисемитизмъ чеховъ. И тутъ польскія газеты, обыкновенно умалчивающія о существованіи еврейской печати — хотя весьма часто дѣлающія изъ нея перепечатки, не упоминая объ источникахъ, — вдругъ заволновались: какой стыдъ для Польши, и какіе негодяи эти евреи! Не заявили чехамъ о своей солидарности съ поляками! Не радовались единенію поляковъ съ чехами во имя общихъ «идеаловъ»!

НА ПОЛЬСКІЯ ТЕМЫ.

До конца XVIII столѣтія—а можетъ быть и позже, польская шляхта, т. е. все польское общество не знало о томъ, что и у евреевъ есть своя душа. А когда оно объ этомъ, наконецъ, узнало, то для всѣхъ стало ясно, что душа польскаго еврея по праву принадлежитъ польской націи, которая призвана изъ тьмы вывести ее на свѣтъ Божій. Это открытіе было сопряжено съ такимъ расходомъ нравственныхъ силъ, что понадобилось полтора вѣка для того, чтобъ отдохнуть и приняться за новыя изслѣдованія въ этой области. Въ продолженіе этого времени можно было удовлетвориться свѣдѣніями, которыя приносили евреи, удостоившіеся званія поляковъ, и, хотя душа этихъ вновь приобщенныхъ была чисто польской, тѣмъ не менѣе отведенное имъ въ обществѣ мѣсто представителей «прочаго, темнаго еврейства» соотвѣтствовало тѣмъ традиціямъ, которыя, какъ извѣстно, всегда въ подобныхъ случаяхъ прекрасно дополняютъ свободомысліе. И до послѣдняго момента все, что польское обще-

ство узнавало о еврейской жизни въ послѣднія десятилѣтія, черпалось изъ этого источника.

Съ формальной точки зрѣнія, впрочемъ, можно считать польское общество прекрасно освѣдомленнымъ о еврейскихъ дѣлахъ. Развѣ оно не узнавало всегда уже изъ утреннихъ газетъ, что въ мѣстности Просентникъ евреи пошли встрѣчать цадика или въ Кѣльцахъ еврейская депутація приняла хлѣбомъ и солью новаго епископа? Развѣ какое-нибудь дѣяніе гминъ въ области «просвѣщенія массъ» и учрежденія пріютовъ не бывало каждый разъ громко оглашаемо? и развѣ, наконецъ, всякое деликатное, но чувствительное устраненіе еврейскаго элемента торжественно не доводилось до всеобщаго свѣдѣнія съ неизбѣжными комментаріями о неослабѣвающей благодарности еврейскаго населенія, хорошо знающаго «свое мѣсто»? Да, польское общество имѣло всегда въ своемъ распоряженіи массу свѣдѣній о евреяхъ. Оно знало все: отъ варварскихъ обычаевъ на еврейскихъ кладбищахъ до интернаціональных капиталовъ евреевъ-франкмасоновъ; отъ бѣдствій невинныхъ еврейскихъ дѣвушекъ, искавшихъ спасенія души въ монастыряхъ въ неизмѣнномъ сопровожденіи благородныхъ юношей — до покушеній соединеннаго еврейства на христіанскую культуру. Оно читало эти интересныя свѣдѣнія съ неослабѣвающимъ вниманіемъ наряду съ менѣе

интересными, отъ времени до времени (но всегда въ соотвѣтствующемъ духѣ) появлявшимися извѣстіями о какихъ-то сѣздахъ, сектахъ, раввинахъ и партіяхъ, гдѣ все было спутано въ какой-то миѳической клубокъ таинственныхъ стремлений, напоминающихъ о китайскомъ кварталѣ С.-Франциско или о междоусобныхъ войнахъ негровъ Центральной Африки.

Польскіе публицисты и литераторы въ большинствѣ случаевъ обладаютъ хорошей привычкой изучать политическіе, научные и художественные вопросы, прежде, чѣмъ о нихъ писать. Но для выступленій на еврейскую тему это считается лишнимъ: здѣсь всякъ и каждый у себя дома, у cadaго есть свой информаторъ-еврей, здѣсь личный вкусъ и расположеніе духа является рѣшающимъ моментомъ. «Тамъ, гдѣ-то есть еврейская масса, и одинъ Богъ вѣдаетъ, собственно говоря, что тамъ дѣлается, но мнѣніе у меня есть, потому что мой другъ Иксельбаумъ именно такъ смотритъ на это дѣло, а онъ хорошій, искренній полякъ». И другъ Иксельбаумъ представляетъ собой отношеніе «польскаго» общественнаго мнѣнія къ еврейскому вопросу до тѣхъ поръ, пока не найдется болѣе юркій и вліятельный другъ Иксельштейнъ, который докажетъ, что дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ и что польскіе интересы требуютъ совершенно противоположной тактики. Между Иксельбаумомъ и Иксельштейномъ

колеблется маятникъ, опредѣляющій «польско-еврейскія» отношенія, и ничего не проходитъ изъ одного «лагеря» въ другой безъ цензуры и комментаріевъ «представителей еврейства» въ рѣшающихъ сферахъ.

И можно быть Свентоховскимъ среди поляковъ и одновременно манекеномъ въ области еврейскаго вопроса. Окруженный своими евреями, которые ему помогали въ свое время въ борьбѣ съ клерикализмомъ,—онъ потерялъ всякое непосредственное пониманіе къ евреямъ—у него современемъ развилась своего рода атрофія, которая дѣлаетъ его слѣпымъ для окружающей еврейской жизни. Авторъ Хавы Рубинъ, едва услышавъ о сіонизмѣ въ его наиболѣе невинной формѣ, кричитъ о безумцахъ, поджигающихъ крыши надъ собственными головами,—онъ видитъ какое-то нашествіе варваровъ и безсовѣстныхъ авантюристовъ, вызывающихъ междоусобицы, новое видоизмѣненіе черной ортодоксіи, разрушающей труды Иксельбаумовъ и Иксельштейновъ. Для него вообще не существуетъ закона естественной эволюціи по отношенію къ евреямъ: это стадо рабовъ, которое надо заставить работать по извѣстной программѣ. Онъ совсѣмъ не интересуется вопросомъ, что тамъ дѣлается на этихъ Налевкахъ или въ этомъ Просентникѣ,—онъ просматриваетъ резолюцію, поставленную придворнымъ еврей-мейстеромъ, и пишетъ мнѣніе царя польской публицистики. И если

онъ, наконецъ, въ одно утро случайно въ трамваѣ замѣтилъ, что существуетъ еврейская пресса, которую читають живые люди и даже пассажиры, которая не служитъ органомъ кальварійскаго цадика, а, напротивъ, нѣкоего рода орудіемъ распространенія культуры и что эта пресса, между прочимъ, болѣе распространена, чѣмъ польская — то мы должны въ первой линіи поблагодарить Иксельбаума и Иксельштейна, за то, что они отпустили Свентоховскаго инкогнито гулять по варшавскимъ улицамъ, или, можетъ быть, нѣкоего Иксельбейтеля, который захотѣлъ подсунуть ножку баумамъ и штейнамъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда—гласитъ мудрая пословица, и мы должны радоваться, что еврейская пресса дожила до подтвержденія своего земного существованія на столбцахъ «Правды» или «Культуры польской». У насъ по крайней мѣрѣ является свѣтлая надежда, что послѣ слѣдующаго десятка лѣтъ Свентоховскій «замѣтитъ», что и движенія еврейской мысли и еврейскихъ чувствъ подвергаются тѣмъ же человѣческимъ законамъ, которые онъ такъ краснорѣчиво защищалъ по отношенію ко всѣмъ людямъ—кромѣ евреевъ.

ПОЛЬСКО - ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.**I.**

Въ господствующемъ теперь въ Царствѣ Польскомъ антисемитизмѣ слѣдуетъ уловить также и ноту глубокаго разочарованія, звучащую въ душахъ поляковъ. Цѣлое столѣтіе говорилось въ польскомъ демократическомъ лагерѣ о необходимости «братскаго сожительства» съ евреями, объ ассимиляторской дѣятельности, которая преобразуетъ еврейское населеніе въ поляковъ моисеева вѣроисповѣданія. Въ особенности около 1863 г. подчеркивалась необходимость увеличенія польскихъ рядовъ «сознательными поляками моисеева вѣроисповѣданія». Между тѣмъ, дѣйствительность показываетъ увеличивающійся, потому что сознательный, сепаратизмъ еврейскихъ массъ. И неудивительно, что поляки разочаровались. Но кто виновъ въ иллюзіяхъ? Кто эти иллюзіи создалъ? Отчасти—сами поляки. Слѣдуетъ запомнить фактъ, что такъ назыв. польская демократія была въ дѣйствительности только лагеремъ вооруженной національной борьбы.

«Красные» отличались въ Польшѣ отъ «Бѣлыхъ» больше темпераментомъ, чѣмъ методомъ общественной дѣятельности. Тѣ, которые желали борьбы и вѣрили въ успѣхъ вооруженныхъ возстаній, поддерживали свою вѣру фантастическими образами народныхъ армій. И потому говорили о «братствѣ» съ евреями, такъ же какъ говорили о «братствѣ» съ «народомъ», который былъ такъ же далекъ отъ нихъ, какъ далеки отъ нихъ были евреи. Въ результатѣ все и всѣ, не только евреи, не оправдали надеждъ поляковъ въ ихъ возстанническихъ мечтахъ.

Есть все-таки причина, почему разочарованіе по отношенію къ евреямъ чувствуется поляками сильнѣе. Съ польскимъ мужикомъ, который не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, съ польскимъ рабочимъ, котораго отъ «національнаго дѣла» оттягиваютъ «космополитическіе лозунги классовой борьбы», все-таки соединяютъ наслѣдниковъ прежней польской культуры этническіе узы, общая религія и т. д. Въ моментъ, когда польская политика становится по отношенію къ русскому государству болѣе «угодной», т. е. отказывающейся отъ прежняго стремленія къ государственному сепаратизму и удовлетворяющейся созданіемъ гарантіи для культурной самостоятельности, тогда, несмотря на контрасты интересовъ различныхъ слоевъ общества, чувствуется потребность въ систематической и постоянной національной соли-

дарности. Несмотря на классовую и партийную борьбу, может и должна даже создаваться некоторая национальная гармония между различными польскими слоями общества. Созданию этой гармонии, кроме этнической и религиозной общности, помогают еще характер и тенденции новой культуры, которую поляки создают, или—вѣрнѣе—благодаря культурной трансформации, через которую они проходят. Ибо не подлежит никакому сомнѣнію, что въ Польшѣ происходитъ теперь культурное перерожденіе: на мѣсто прежней, «шляхетской» культуры появляется помѣщичье-крестьянская съ легкой примѣсью индустриализма.

Между тѣмъ евреи въ Польшѣ не только не оказались поляками моисеева вѣроисповѣданія въ томъ значеніи, какое создали себѣ представители прежней революціонной польской «демократіи», не только отличаются по расѣ и религіи отъ польскаго общества, но имѣютъ другія тенденции при создаваніи культуры будущаго, такъ какъ они являются типичнымъ выраженіемъ городской культуры. И поэтому именно они вызываютъ протестъ со стороны польскаго общества, переживающаго процессъ перерожденія. Они являются живымъ краснорѣчивымъ *memento*, что въ странѣ происходитъ ликвидація прошлаго. При всякой ликвидаціи—и этого не слѣдуетъ забывать — выступаютъ тысячи противорѣчій, душевныхъ конфликтовъ.

Всякая ликвидація вызываетъ боль, которая увеличивается прирожденной склонностью къ экзальтаціи. И эту боль, эти душевные конфликты подчеркиваетъ польско-еврейская городская идеологія. По общепринятому убѣжденію, усиленіе польскаго антисемитизма объясняется въ первой линіи возрастаніемъ польскаго мѣщанскаго элемента. Не отрицаемъ, что соперничество интересовъ вызываетъ зависть и вражду. Но, по нашему мнѣнію, не въ этомъ сущность проблемы. А дѣло въ томъ, что психическія противорѣчія принимаютъ сразу непримиримый характеръ. — Но есть еще другая причина, почему поляки теперь такъ сильно разочарованы по отношенію къ евреямъ.

Польская «демократія», какъ было уже выше сказано, имѣла больше темперамента, чѣмъ позитивной творческой силы, слѣдовательно, и всѣ ея лозунги братства и ассимиляціи были наскоро и горячо высказаны, больше *ria desideria*, чѣмъ выраженіе сильной воли къ реализаціи программы созидательной работы. Вотъ трагизмъ польско-еврейскихъ отношеній.

Но послѣ 1863 г. начинается комизмъ, а именно съ того времени, когда эту органическую работу взяла на себя такъ называемая еврейская интеллигенція, народившаяся именно въ эту эпоху. Сегодня, послѣ 40 лѣтъ существованія этого страннаго польскаго посольства среди еврейскихъ массъ,

оказалось, что никакой ассимиляторской работы не было и быть не могло, такъ какъ польско-еврейская «интеллигенція» совершенно отчуждалась отъ еврейскихъ массъ и начала даже враждебно относиться къ ихъ интересамъ. Такая оцѣнка отношенія «интеллигенціи» къ массамъ можетъ показаться партійнымъ преувеличеніемъ. На самомъ же дѣлѣ, ни среди польскихъ евреевъ, ни въ Польшѣ вообще нѣтъ и совсѣмъ не было «интеллигенціи» въ томъ значеніи, какое этому понятію придаютъ въ Россіи. Это наше мнѣніе необходимо мотивировать: безъ надлежащаго пониманія разницы между «интеллигенціей», какъ она существовала въ Россіи, и ея копіей въ Польшѣ невозможно ясно понять роль и значеніе польско-еврейской интеллигенціи въ жизни польскаго еврейства.

Понятіе «интеллигенціи» импортировано въ Польшу изъ Россіи въ періодѣ 1870—1880 гг., но никогда не имѣло того содержанія, какое оно приобрѣло въ Россіи. Въ Россіи возникло оно совершенно естественно, соотвѣтственно съ русской дѣйствительностью.

Русская интеллигенція выросла на почвѣ борьбы съ бюрократіей и дореформеннымъ строемъ, причемъ эта борьба была долгая и тяжелая. Совершенно иначе было въ Польшѣ. Здѣсь пришлось свергнуть лишь разслабленную шляхту, а это удалось очень

легко. Новоявленные польскіе прогрессисты ничего и не создали. Программу органическаго труда и реальной политики выдвинули лидеры стараго общества. Въ сущности, польскіе прогрессисты были только карикатурой демократіи изъ эпохи романтизма. Они не создали интеллигенціи на подобіе русской. Они даже не были культуртрегерами: культурную работу въ городахъ исполняли нелегальные организации, а въ деревнѣ царилъ помѣщикъ. Однимъ словомъ, польская интеллигенція была беспочвенной.

Въ составъ этой польской интеллигенціи входила, въ довольно значительномъ количествѣ, польско-еврейская интеллигенція. У этой послѣдней было, однако, къ ея несчастью, гораздо больше недостатковъ, а созидательной силы — еще меньше, чѣмъ у польской.

II.

Польская интеллигенція, болѣе или менѣе умѣло, все-таки всегда искала опоры въ польскихъ массахъ; польско-еврейская интеллигенція въ первую голову стремилась порвать нити, соединяющія ее съ еврейской массой. Часть этой интеллигенціи даже неохотно вспоминала свое «семитическое» происхожденіе; ея идеаль былъ скорѣе пробраться въ польскій лагерь, *tout simple*. Другая часть считала болѣе подходящей тактику

симулированія связи съ еврействомъ, чтобы получить отъ поляковъ мандатъ къ еврейскимъ массамъ.

Они были и остались польскими посланниками, *in partibus infidelium*. Надо признать, что эта тактика щедро оплачивается, принося матеріальныя и общественныя выгоды. Такимъ образомъ, явились въ продолженіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ многіе еврейскіе дѣятели, имѣвшіе заслуги довольно сомнительнаго качества. Можно сказать, что въ этотъ періодъ времени конституировался истинный синдикатъ польско-еврейской интеллигенціи, эксплуатирующей равно еврейскія массы, какъ и національный польскій лагерь.

Рекрутируясь отчасти изъ финансоваго міра и такъ называемахъ «либеральныхъ профессій», польско-еврейская интеллигенція предается интеллектуальнымъ интересамъ, какъ самому дешевому спорту. Она не имѣетъ «интеллектуальныхъ и культурныхъ страстей»—а только способность имитировать то или другое міровоззрѣніе. Порвавши всякую связь съ еврейскими источниками, польско-еврейская интеллигенція сдѣлалась совершенно бездомной, безъ корней и традиціи. Это можно сказать о лучшихъ рядахъ этой интеллигенціи, о тѣхъ, которые чего-то ищутъ, которые стремятся къ совершенству. Болѣе самостоятельныя натуры, отрываясь

отъ еврейской традиціи, отбрасывали также и польскую традицію, съ которой, вѣдь, ничего общаго не имѣли. Это были «отщепенцы» обѣихъ культуръ.

Большинство—поверхностное и некритическое — все-таки считаетъ себя поляками. Ихъ ассимиляція просто «гоеманія». И именно въ формѣ «гоеманіи» польско-еврейская интеллигенція проявлялась на каждомъ шагу. Ея метафизика или религіозность,—ея отношеніе къ общественнымъ вопросамъ, ея пониманіе науки и еврейской жизни, ея декадентскія настроенія—все свидѣтельствуешь о маніи некритическаго подражанія. Въ политикѣ «гоеманія» довела польско-еврейскую интеллигенцію до самыхъ плачевныхъ результатовъ, до совершеннаго нравственнаго банкротства.

Отрицая польскій традиціонализмъ, который она, впрочемъ, не въ состояніи чувствовать, польско-еврейская интеллигенція принимаетъ все-таки всю фразеологию польскаго націонализма. Лишившись вслѣдствіе ассимиляціонной политики всякаго стиля, польско-еврейская интеллигенція смѣшиваетъ страннымъ и безвкуснымъ образомъ всякіе стили. Она постоянно объединяетъ безвкусно польскій націонализмъ, прогрессъ, радикализмъ, социализмъ, модернизмъ и т. д. безъ конца. Редакторъ «Израелита», органа для специальныхъ порученій ассимиляціи, готовъ даже

объединить польскій націонализмъ съ буддизмомъ.

Съ одной стороны, польско-еврейская интеллигенція не умѣетъ понять польской «народной демократіи» г. Дмовскаго, а съ другой стороны, соединяется съ крайнимъ польскимъ шовинизмомъ, съ фракціями, повторяющими всѣ наивности, отъ которыхъ г. Дмовскій уже отрекается... Съ одной стороны, она не можетъ понять желанія перебросить мостъ отъ современной польской политической мысли къ польскому традиціонализму, а съ другой стороны, остро протестуетъ противъ всякаго партикуляризма, проявляющагося на земляхъ прежней польской Рѣчи Посполитой.

Въ особенности еврейскій партикуляризмъ — какъ понятіе національнаго или нравственно-культурнаго сепаратизма—считается польско-еврейской интеллигенціей «народной измѣной». Дѣйствительно: никто въ Польшѣ не играетъ роли инквизитора въ пользу польскаго дѣла съ такимъ увлеченіемъ, какъ такъ называемые еврей-поляки.

Усердіе неофитовъ въ религіозныхъ вопросахъ—это обычное явленіе; не меньшимъ усердіемъ въ польскомъ націонализмѣ отличаются «поляки моисеева вѣроисповѣданія». При ретроградности политической мысли въ Польшѣ, вызванной по большей части національнымъ гнетомъ, всѣ свободолюбивыя и гуманитарныя стремленія утрачи-

вають своє содержаніє въ густыхъ складкахъ оппозиціонно - націоналистической тоги. Но такъ называемая польско-еврейская интеллигенція еще сильнѣе подчеркиваетъ и даже преувеличиваетъ эту крайность націоналистической точки зрѣнія. Это преувеличиваніе доводитъ до того, что вызываетъ противъ себя реакцію даже со стороны націоналистовъ-поляковъ. Дѣствительно: какъ смѣшно положеніе евреевъ-поляковъ въ роли менторовъ польскаго патріотизма!

Издаваемая въ продолженіе текущаго года евреями-поляками и редактируемая поляками «моисеева вѣроисповѣданія» «Новая Газета» съ жаромъ практиковала націоналистическую демагогію, поучая польскую историческую шляхту и офіціальную народную демократію патріотизму.

Эта «Новая Газета» уговаривала манифестировать народный трауръ; это она агитировала въ пользу бойкота театра Станиславскаго; это она подстрекала во имя патріотизма противъ нѣмецкихъ представленій Рейнгардта. Эти издатели «Нов. Газеты», евреи до единаго, въ первомъ поколѣніи говорящіе по-польски, бьютъ тревогу противъ «Литваковъ» и русскихъ евреевъ. Эта «Новая Газета», считающая себя прогрессивной и даже «любовницей Карла Мора» (т. е. социалистической партіи) совѣтуетъ прогрессистамъ созданіе избирательнаго блока съ

крайними шовинистами и антисемитами изъ вновь нарождающагося «младонародно-демократическаго» лагеря.

Эта искусственная экзальтація «польскаго», это предаваніе судебъ въ руки націоналистическаго ирредентизма уполномачиваетъ вполне историческихъ поляковъ къ презрительному третированію патріотизма новонарожденныхъ поляковъ моисеева вѣроисповѣданія, уполномачиваетъ къ далеко идущему недовѣрію. Но противники «Новой Газеты»—изъ умѣреннаго польскаго націоналистическаго лагеря, дѣлаютъ только ту ошибку, что стараются видѣть «семитизмъ» въ націоналистическихъ конвульсіяхъ поляковъ моисеева вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, это вызвано только безвкусіемъ, характернымъ для выскочекъ всѣхъ религій и всѣхъ расъ. Если бы польско-еврейская интеллигенція удержала хотя немного семитическаго «сознанія», она не попала бы въ такое смѣшное положеніе. Но она даже не понимаетъ и не признаетъ еврейскаго вопроса, какъ вопроса національнаго и общегосударственнаго! Ничего удивительнаго, что она не даетъ себѣ отчета въ томъ, что и польскій вопросъ нельзя разсматривать, какъ вопросъ, оторванный отъ интересовъ всего государства. Для нея еврейскій вопросъ сводится къ ея собственнымъ общественнымъ отношеніямъ къ польскому обществу; съ той же точки зрѣнія она относится и къ польскому во-

просу, на который смотреть, какъ на *passerpartout* въ польское общество.

Иначе и быть не можетъ. Польско-еврейская интеллигенція утратила всякій стиль. Еврейской мысли не имѣетъ, а польскую присваиваетъ себѣ въ карикатурѣ. Она напускаетъ на себя искусственныя настроенія, потому что является тѣломъ, оторваннымъ отъ собственной традиціи и отъ дѣйствительности. Поэтому—ни престижа, ни уваженія въ польскомъ лагерѣ. Было время, когда эта польско-еврейская интеллигенція, вредящая польскимъ интересамъ и измѣняющая интересамъ еврейскихъ массъ, все-таки не была лишена извѣстнаго вліянія на эти массы. Въдѣ въ продолженіе полвѣка выскочки изъ еврейской среды были для еврейскихъ массъ представителями еврейства передъ поляками. Эту свою роль поляки моисеева исповѣданія видѣли и видятъ донынѣ лишь въ томъ, чтобы напугивать еврейское населеніе призракомъ погромовъ со стороны поляковъ. Напугивая чужой силой, польско-еврейская интеллигенція выработала себѣ значеніе среди еврейскихъ массъ. Таково было и такимъ осталось вліяніе еврейской «интеллигенціи» на еврейскія массы.

Теперь исчезаетъ и это вліяніе. Еврейская пресса открыла еврейскимъ массамъ въ Польшѣ «окно въ Европу» и, что еще важнѣе, создала въ нихъ самосознаніе достоинства

и силы. Въ моментъ, когда исчезнетъ страхъ передъ погромами, должна исчезнуть прежняя политика еврейскихъ массъ, содержащаяся въ афоризмъ: «Kojdem lass dem Goj lojfen». Изъ этихъ массъ медленно возстаютъ новыя интеллигентныя силы, которыя, сохраняя стиль еврейской жизни, создадутъ новую, истинную еврейскую интеллигенцію.

НЕПРИМИРИМЫЕ.

Послѣдняя фаза польско-еврейскаго вопроса обнажила между прочимъ тѣ его моменты, которые не носятъ чисто политическаго характера, и проникаютъ уже, если можно такъ выразиться, въ психологическую среду. То оригинальное, характерное для польской ассимиляціи, что было доступно небольшимъ кругамъ — теперь обнажилось во всей своей яркости и поразило даже тѣхъ, которые, казалось бы, совсѣмъ прониклись польско-еврейской идеологіей. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что наиболѣе рѣшительное и послѣдовательное крыло польской ассимиляціи перешло уже за грань политической дѣйствительности и вступило въ сферу психоза — состоянія, которое въ зависимости отъ угла зрѣнія, можно съ одинаковымъ правомъ считать трагичнымъ и комичнымъ. Наблюдая эти типы стараго, добраго времени, когда то, что теперь звучитъ фальшиво и пошло, имѣло свой глубокой сердечный смыслъ — становится жаль, что такъ не кстати они выступаютъ на полити-

ческую арену—тѣмъ болѣе, что эта арена теперь занята жалкими эпигонами, сухо и безъ искренности исполняющими свое ежедневное ремесло.

Недавно въ польской, русской и, конечно, еврейской печати прошумѣло письмо д-ра Нуссбаума, вызвавшее съ политической точки зрѣнія совершенно справедливый переполохъ въ кругахъ профессиональных ассимиляторовъ прогрессивной марки, ироническую улыбку польской прессы, недоумѣніе въ русскомъ обществѣ и протестъ національно-еврейскаго общественнаго мнѣнія. Однако, если оставить въ сторонѣ немного парадоксальную форму и слащавый паѳосъ, свойственный, впрочемъ, всѣмъ выступленіямъ д-ра Н., и посмотрѣть на его послѣднюю публикацію, какъ на индивидуализированное мнѣніе извѣстной группы его единомышленниковъ—этихъ непоколебимыхъ, послѣднихъ могиканъ, — то дѣйствительный смыслъ ея окажется болѣе глубокимъ, чѣмъ это могло выясниться въ политической дискусіи.

Три, четыре года тому назадъ на этомъ мѣстѣ мы нашли бы только слова негодованія — наиболѣе естественнаго протеста противъ жалкой трусости, которая отразилась въ обращеніи д-ра Н. Но въ настоящій моментъ мы уже можемъ подобное обращеніе читать и оцѣнивать спокойно, со всей объективностью наблюдателя, который зна-

еть, что наблюдаемое имъ зрѣлище проходить мимо дѣйствительной жизни, безъ всякаго вліянія на реальный ходъ вещей. И это спокойствіе проявляютъ прежде всего друзья д-ра Н.—тѣ изъ ассимиляторовъ, которые въ моментъ дифференціаціи польской демократіи имѣли смѣлость присоединиться къ національ-демократіи. Этотъ шагъ лишилъ ихъ послѣдняго вліянія на еврейское населеніе, но они должны были на него рѣшиться. Въ тотъ моментъ, когда Польша раздѣлилась на реальную, экономически-разсчетливую и входящую въ компромиссы съ русскимъ прогрессомъ, и романтическую, непримиримую, твердо стоящую при шляхетско-холопской традиціи, — чистокровная ассимиляція должна была примкнуть къ послѣдней, такъ какъ въ Польшѣ ея сущность была всегда романтической и патріотической. Идеологія этой ассимиляціи чувствъ, въ отличіе отъ позднѣйшей ассимиляціи интересовъ и стремленій, была и есть чуждой всякаго политическаго обоснованія. Она вся зиждется на довольно туманной традиціи и на любви къ польской отчизнѣ и польскому прошлому. Послѣ разрыва съ прогрессивнымъ польскимъ обществомъ политическая несостоятельность этой группы сдѣлалась еще болѣе трагической: дѣятельность среди еврейскихъ массъ оказалась невозможной, практически невысказанной для людей, не признающихъ компромиссовъ.

Значеніе ихъ среди польскаго общества уменьшалось одновременно съ тѣмъ, какъ обнаруживалось ихъ безсиліе ассимилировать массы, и свелось наконецъ до нуля. Тогда ихъ общественная платформа — если таковая когда-нибудь существовала въ современномъ смыслѣ — свелась къ чисто культурно-индивидуальной; они образовали что-то въ родѣ секты, гдѣ всѣ польскія цѣнности, всѣ польскія переживанія были доведены до экстаза — такъ характернаго для еврейской психики. На почвѣ еврейскаго и польскаго мессіанизма здѣсь раньше или позже долженъ былъ пустить ростки болѣе или менѣе сознательный мистицизмъ — и въ этихъ еврейскихъ умахъ и сердцахъ не осталось другого критерія, какъ «Польша». Этотъ священный символъ далъ имъ религію, національность, этику. Для счастья Польши у нихъ нѣтъ слишкомъ большой жертвы, слишкомъ тяжелаго испытанія. Если у нихъ осталось какое-нибудь воспоминаніе объ еврействѣ, то единственно въ видѣ какихъ-нибудь почетныхъ должностей или въ видѣ симпатій къ Старому Завету; чувство принадлежности къ живымъ евреямъ совершенно замерло. Состраданіе къ еврейскому несчастью осталось въ тѣни при всеобнимающей скорби о потерянной польской свободѣ. И эта польская свобода представлялась имъ полной волшебной красоты равенства и братства. Обаятельный образъ мицкевичевскаго

Янкеля, этого величайшаго польскаго патріота среди поляковъ — виталь предъ влюбленной польской землей. И такъ была воздвигнута стѣна между ними и прочимъ еврействомъ—и между ними и непонимавшимъ ихъ польскимъ обществомъ.

Нахлынувшая волна антисемитизма не смутила ихъ, какъ ихъ не смутили въ свое время погромы въ «чужой странѣ», учиненные надъ «чужими евреями». Развѣ то, что происходило вокругъ нихъ, могло запятнать ихъ святыню? Съ презрѣніемъ они смотрятъ на всѣ эти страсти, на всю эту суматоху, которую возбудили чужіе пришельцы изъ Литвы, некультурные варвары, грубо вторгающіеся въ дѣла ихъ отчизны. И если для счастья отчизны понадобится придушить этихъ пришлецовъ, нахально кричащихъ о родствѣ съ ними, то развѣ не слѣдуетъ этому расчистить путь? И если даже отчизна, которой нѣтъ дѣла до мелочей, поставитъ свою всемогущую стопу на ихъ собственные спины, то развѣ есть высшее счастье, чѣмъ самоотреченіе во имя ея будущаго?

Оплеванные евреями и непонятые поляками, они отодвинуты къ границѣ между дѣйствительностью и какимъ-то полумечтаніемъ. Они носятъ въ своихъ душахъ идеаль, чуждый евреямъ и оставленный громаднымъ большинствомъ здоровой Польши. Они являются хранителями польской традиціи, какъ

польскіе хасиды — польской національной одежды.

И если посмотрѣть на нихъ съ этой стороны, то можно этихъ людей оплакивать или осмѣивать — но трудно презирать. Они безспорно искренни — ассимиляторы этого вымирающаго типа — они живутъ и радуются только внутренней жизнью; окружающее приноситъ имъ только страданія.

И когда намъ пришлось читать письмо д-ра Н. — эту лебединую пѣсню ассимиляціи стараго закала, уже какъ будто не отъ міра сего—то на этотъ разъ мы не нашли громовъ возмущенія, а какъ-то неволью намъ пришли въ голову другія мысли и другія слова: слова состраданія для рабовъ неисполнимыхъ мечтаній, для этихъ евреевъ — польскихъ страдальцевъ, любящихъ свое неблагодарное отечество безграничной, всезабывающей, самоубійственной, поистинѣ «еврейской» любовью.

СЛѢПАЯ ПОЛИТИКА.

Поворотъ польскаго общества въ сторону антисемитизма является самымъ крупнымъ событіемъ нашей жизни послѣдняго времени. Польшу можно считать вторымъ отечествомъ еврейскаго народа. Въ ней сосредоточивались главныя еврейскія массы съ давнихъ временъ, и она послѣ раздѣла надѣлила главнымъ образомъ евреями тѣ страны, въ которыя вошли разныя ея части. И теперь большія еврейскія массы живутъ въ собственно польскихъ земляхъ или въ тѣхъ, гдѣ польское общество благодаря своему культурному и экономическому превосходству играетъ доминирующую роль. И новый курсъ польскаго общества можетъ имѣть для всего еврейства гораздо болѣе крупныя послѣдствія, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Нельзя сказать, чтобы антисемитизмъ въ Польшѣ былъ явленіемъ совсѣмъ новымъ. Съ развитіемъ средняго сословія въ Польшѣ, комплектирующагося изъ обѣднѣвшихъ помѣщиковъ и бывшихъ крѣпостныхъ, въ Поль-

шѣ начала чувствоваться еврейская конкуренція, началась экономическая борьба съ цѣлью вытѣсненія евреевъ изъ ихъ традиціонныхъ позицій. И, какъ всякая борьба, она создавала враждебное настроеніе и извѣстныя общественныя мѣры притѣсненія. И самъ панъ, который продолжаетъ до сихъ поръ изображать изъ себя гордаго феодала и которому экономическая дѣятельность еврея скорѣе полезна, чѣмъ вредна, перемѣнилъ свое отношеніе къ нему. Онъ всегда терпѣлъ въ немъ только «жида», т. е. человѣка особой породы, которому можно давать наживаться, но подъ условіемъ покорности, доходящей почти до рабства. Еврея-человѣка, еврея, сознающаго свое человѣческое достоинство и требующаго отношенія къ себѣ какъ къ равному, онъ инстинктивно не переноситъ. Такимъ образомъ во всѣхъ слояхъ польскаго общества нарастало антиеврейское настроеніе, которое проявлялось на каждомъ шагу въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, но не принимало принципиальнаго характера, не выливалось въ формѣ общественно-политической программы.

Оно и понятно. Партіи и народы будущаго всегда составляли и составляютъ кадры нашихъ «друзей». Подавленные народности и оппозиціонныя партіи всегда намъ обѣщали и обѣщаютъ всѣхъ благъ, когда имъ Богъ поможетъ стать хозяевами положенія. Можетъ быть потому, что «бѣднякъ всегда бла-

готовительствуешь» по еврейской пословице, можетъ быть потому, что слабымъ нужна наша помощь, хотя она не очень велика. можетъ быть потому, что нужно оправдать тѣ высоко-идеальные принципы свободы и равенства, во имя которыхъ слабыя группы обыкновенно борются. Во всякомъ случаѣ въ отношеніяхъ подавленныхъ группъ выработалось правило, что лежащій лежачаго не бьетъ и въ виду этого правила безсильныя группы жили съ нами въ мирѣ и согласіи, общали въ будущемъ равноправіе, благо, это обѣщаніе ничего не стоило. И мы, хотя наученные горькимъ опытомъ, вѣрили этимъ обѣщаніямъ, ибо обѣщанія вѣдь все-таки лучше, чѣмъ ничего, и къ тому у насъ, какъ у людей подавленныхъ, есть какая-то врожденная симпатія ко всѣмъ страдающимъ.

И вдругъ польское общество не выдержало и ни съ того, ни съ сего объявило войну по всей линіи. Оно мобилизовало всѣ свои силы, начиная съ прогрессистовъ и кончая реакціонерами, и стало обстрѣливать евреевъ со столбцовъ печати и даже съ высоты Государственной Думы.

Поляки никогда не могли жаловаться на избытокъ политическаго чутья, и на этотъ разъ они не во время пустились въ походъ. Ободренные улыбкой октябристовъ, они уже рисуютъ себѣ картину чуть-ли не самостоятельной Польши, гдѣ они со своими евреями могутъ справляться по своему. «Это—

внутреннія домашнія дѣла», какъ заявилъ еврей Нуссбаумъ, мнящій себя полякомъ, — дѣла, которыя, якобы должны рѣшаться самоуправляющимся польскимъ обществомъ, котораго еще въ поминѣ нѣтъ. Слишкомъ рано польское общество забыло свое положеніе подавленной народности и корчитъ изъ себя барина, который воленъ дѣлать у себя дома все, что ему вздумается.

Намъ ли нужно напомнить полякамъ о томъ, что пока Польша не больше, какъ російская провинція, что польскія дѣла пока — російскія дѣла, которыя вѣдаются російскимъ правительствомъ, рѣшаются въ общеимперской Думѣ, что практическая политика повелѣваетъ считаться съ общей политической конъюнктурой всѣхъ группъ Россіи, что нѣтъ теперь самостоятельной польской, какъ нѣтъ самостоятельной еврейской политики, что національные интересы польскаго народа требуютъ еще совмѣстной работы съ другими группами, что нужно быть весьма осторожнымъ въ выборѣ союзниковъ, чтобы не возстановить противъ себя тѣхъ, которые могутъ быть полезными, и не связываться съ тѣми, отъ которыхъ ничего путнаго ожидать нельзя.

У поляковъ еще нѣтъ автономіи, ни полной, ни частичной. Ее еще нужно добиваться, вѣрнѣе нужно повліять на другихъ, чтобы ее дали. Что ея не получишь ни изъ рукъ правыхъ, ни изъ рукъ октябристовъ, ни на-

ціоналистовъ,—наврядъ-ли кто-нибудь сомнѣвается. Національный польскій вопросъ есть часть національнаго вопроса Россіи и можетъ быть рѣшенъ вмѣстѣ съ послѣднимъ. А послѣдній можетъ быть разрѣшенъ передовыми группами російскаго общества въ союзѣ съ многочисленными инородцами. Русское же передовое общество руководствуется, можетъ быть, и принципиальными мотивами, но главнымъ образомъ тѣмъ, что благо Россіи требуетъ мирнаго сожительства всѣхъ населяющихъ Россію народностей съ возможностью для каждой изъ нихъ естественно развиваться. Ни тотъ, ни другой мотивъ не повелѣваетъ предоставлять одной нынѣ подавленной народности подавлять другія національности. Всѣмъ заинтересованнымъ группамъ дорогъ принципъ національной свободы, свободы для всѣхъ.

Поляки своимъ стремленіемъ подавлять евреевъ, пока въ союзѣ съ русской реакціей, и, конечно, въ будущемъ своими собственными силами, сразу порвали со всей передовой частью русскаго общества. Имъ можно было бы простить культурную борьбу противъ евреевъ, пока она ведется культурными средствами, но участіе въ созданіи ограничительныхъ законовъ, законовъ, урѣзывающихъ гражданскія права евреевъ, никогда имъ не простится. Рѣчи польскихъ депутатовъ въ думской комиссіи при обсужденіи вопроса объ участіи евреевъ въ

городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ, ихъ содѣйствіе тому, что евреевъ ограничили въ этомъ участіи, образуетъ рѣзкую грань между прошлымъ и настоящимъ, и линія нашего поведенія отнынѣ опредѣлена.

Поляки, можетъ быть, считаютъ союзъ съ правыми верхомъ практической политики, но политика, которая сообразуется только съ положеніемъ нынѣшняго дня есть не практическая, а узкая. И эта узость заставила ихъ не дооцѣнить силы русской оппозиціи, несмотря на теперешнее ея безсиліе; заставила ихъ не дооцѣнить и значенія евреевъ, которые вовсе уже не такое *quantité negligeable*, какъ иногда кажется. Я говорю не только о польскомъ, но о всероссійскомъ еврействѣ, которое образуетъ также одну націю съ общими интересами, которое численностью не на много уступаетъ полякамъ. Правда, мы разсѣяны, но въ этой разсѣянности есть нѣкоторая сила. И такъ какъ польскія дѣла пока рѣшаются въ Петербургѣ, а не въ Варшавѣ, нужно считаться не съ польскимъ, а съ всероссійскимъ еврействомъ.

Сдѣлать евреевъ противниками польскихъ національныхъ стремленій — шагъ не совсѣмъ практичный. Мы подчеркиваемъ: мы теперь противники этихъ стремленій, и если бы отъ насъ зависѣло, мы бы провалили весь проектъ городского самоуправления. Намъ выгодноѣе, чтобы городскія дѣла нахо-

дились въ рукахъ чуждаго населенію русскаго чиновника, чѣмъ въ рукахъ выбранныхъ поляковъ, стремящихся къ нашему подавленію. Отъ перваго мы можемъ ждать большаго безпристрастія, равенства въ отношеніяхъ и неумѣнія въ дѣлахъ. Когда рѣчь идетъ о подавленіи, неумѣніе есть большой плюсъ. И мы вправѣ требовать отъ прогрессивныхъ депутатовъ, чтобы и они голосовали противъ проекта, ибо нельзя передавать власть въ руки черносотенцевъ, хотя бы они были выбраны изъ мѣстнаго населенія специально комбинированнымъ реакціоннымъ избирательнымъ закономъ. Конечно, мало надежды на то, чтобы думская оппозиція была настолько храбра, чтобы провести послѣдовательно свои принципы до конца. Проектъ, вѣроятно, пройдетъ, но этимъ проектомъ еще не исчерпывается весь польскій вопросъ, да и примѣненіе проекта въ жизни съ помощью правыхъ еще представляетъ различныя затрудненія. Во что онъ выродится на практикѣ, еще неизвѣстно, да и въ его прочности еще можно сомнѣваться. Правые бросили полякамъ кость по правилу *divide et impera*. Поляки пошли на эту удочку и порвали со всей передовой частью русскаго общества, что собственно и требовалось. Что послѣ этого разрыва правые съ поляками не будутъ церемониться, вытекаетъ изъ всей ихъ программы, изъ ихъ національно-руссификаторскихъ тенденцій, которыя не позволяютъ имъ

допускать свободного развитія какой бы то ни было инородческой группы.

Танцовать польскую мазурку съ октябристами, подъ аккомпаниментъ правыхъ, довольно мудрено. До чего поляки дотанцуются, не трудно предвидѣть. Но пусть потомъ не обижаются, если при паденіи имъ никто стула не подастъ. Мы, евреи, этого навѣрное не сдѣлаемъ.

ОТПОРЪ.

I.

Въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать, что событія, происходящія въ Польшѣ, требуютъ со стороны евреевъ организованнаго отпора. Это всѣмъ теперь понятно. Къ сожалѣнію, мы еще не перешли отъ пониманія къ дѣлу. Но несомнѣваюсь, что перейдемъ, и очень скоро. О способахъ этого отпора еще придется говорить часто и подробно. Для начала же достаточно указать, что отпоръ долженъ быть не только экономической, но и политической. А для того, чтобы организовать политическую нашу самозащиту противъ польскаго антисемитизма, надо прежде всего подвергнуть коренному пересмотру наше политическое отношеніе къ польскому вопросу. Отчасти этотъ коренной пересмотръ же совершается въ умахъ самъ собою, подъ влияніемъ событій, отчасти онъ выразился и въ нашей печати. Со своей стороны, хочу содѣйствовать этому процессу.

Нѣкоторые люди до сихъ поръ думаютъ, будто событія, происходящія въ Польшѣ, относятся только до тамошнихъ евреевъ.

Это глубокая ошибка. Для еврейской національной мысли раздѣленіе на тамошнихъ и тутошнихъ вообще приемлемо только съ большими оговорками. Но здѣсь дѣло еще проще—здѣсь дѣло даже не въ принципѣ нашего національнаго единства, а въ томъ явномъ фактѣ, что польское насиліе бьетъ по всему россійскому и зарубежному еврейству. Если бойкотъ приведетъ къ результатамъ, которыхъ добиваются поляки, то на улицу будутъ выброшены новыя сотни тысячъ нищихъ эмигрантовъ: это одно само по себѣ дѣлаетъ вопросъ кровнымъ и шкурнымъ для каждаго еврея, отъ Петербурга до Нью-Йорка. Но дѣло не только въ матеріальномъ обнищаніи. Главная цѣль, которую преслѣдуютъ поляки, это ликвидація еврейской Варшавы. Варшава есть крупнѣйшій еврейскій центръ во всей Европѣ. Варшава есть важнѣйшее изъ средоточій нашей культурной жизни, въ одинаковой мѣрѣ для гебраистовъ и жаргонистовъ. Тамъ наши газеты, тамъ наши книгоиздательства, тамъ наши дѣтскіе сады и фребелевскіе курсы, тамъ театръ Каминской, тамъ зародыши и надежды, которые могутъ развиваться только на почвѣ большой и плотной еврейской общины. Эту общину хотятъ разгромить. Крупнѣйшій изъ центровъ еврейской культурной жизни въ діаспорѣ, обслуживающій Литву и Америку, Галицію и Палестину, хотятъ уничтожить. Я не разбираю теперь

вопроса о томъ, удастся-ли это полякамъ. Но такова ихъ цѣль. Цѣль эта—ударъ для всѣхъ насъ, безъ различія мѣстожителства, и ударъ, быть можетъ, въ самое сердце. И потому на каждомъ изъ насъ, безъ различія мѣстожителства, лежитъ долгъ самозащиты.

Но есть еще одна сторона въ польскомъ походѣ — самая страшная. Онъ стремится деморализировать правосознаніе прогрессивныхъ партій внѣ Польши. Съ этими партіями мы работаемъ вмѣстѣ, отъ ихъ побѣды ждемъ для себя равноправія. До сихъ поръ въ этомъ лагерѣ считалось непреложнымъ, что для мысли прогрессивной и демократической равноправіе есть догматъ. Поляки пытаются теперь убѣдить міръ, что равноправіе не есть обязательный догматъ даже для людей, претендующихъ на прогрессивныя и демократическія убѣжденія. Если бы эта попытка удалась, это былъ бы погромъ не только для двухмилліоннаго еврейства Польши, но для всѣхъ шести милліоновъ еврейскаго населенія Россіи, рикошетомъ — и для тѣхъ милліоновъ, которые за рубежомъ. И потому я говорю, что въ Польшѣ идетъ теперь рѣчь о нашей шкурѣ, о нашихъ шансахъ на равноправіе, о каждомъ изъ насъ отъ Бѣлостока до Харбина. *Res nostra agitur.*

Поэтому мы, евреи, тамошніе, тутошніе

и всякіе, должны взять себѣ разѣ навсегда полное и безусловное право голоса въ польско-еврейскомъ конфликтѣ и, какъ единый коллективъ, должны вести свою особую политику въ отношеніи поляковъ и польскаго вопроса. И мы должны вести эту обще-еврейскую политику всюду, гдѣ сочтемъ это цѣлесообразнымъ: если понадобится, то въ Петербургѣ, если понадобится, то въ Берлинѣ, а если понадобится, то и въ Варшавѣ.

Въ чемъ же должна заключаться эта политика? Она должна заключаться въ развитіи слѣдующаго основнаго положенія, которое вытекаетъ совершенно ясно изъ всѣхъ событій послѣднихъ шести лѣтъ:

— Всякое усиленіе власти польскаго элемента въ краѣ будетъ использовано поляками для угнетенія національныхъ меньшинствъ.

Доказывать эту истину я считаю лишнимъ. Я не видѣлъ еще ни въ Польшѣ, ни внѣ Польши ни одного человѣка, который бы это отрицалъ. Это ясно, какъ ясно то, что лѣтомъ будетъ жарко. Если бы внезапно случилось чудо, и поляки вдругъ искренно сдѣлались бы нашими друзьями, тогда мы, конечно, очутились бы передъ новымъ положеніемъ вещей и сдали бы сегодняшнюю истину въ архивъ. Но пока чуда нѣтъ и не предвидится, истина эта неоспорима, и

намъ остается сдѣлать изъ нея выводъ. Какой выводъ? Это, опять-таки, ясно, это у многихъ уже на устахъ, и пора выразить это въ отчетливой формулѣ:

— Въ польскомъ вопросѣ наши интересы ясно совпадаютъ не съ линіей государственной децентрализаціи, а съ линіей государственной концентраціи.

Долгое время считалось неудобнымъ говорить это вслухъ. Найдутся люди въ нашей средѣ, которымъ покажется неудобнымъ говорить это и теперь. Съ давнихъ поръ установился обычай относиться къ Польшѣ такъ, какъ будто она все-таки, если не фактически, то виртуально осталась особымъ государствомъ. Не стану судить, насколько вообще умѣстно и разумно такое игнорированіе исторической дѣйствительности даже въ мирныя времена. Но смѣю твердо полагать, что при теперешнихъ условіяхъ это неумѣстно и неразумно. Польша не есть государство, Польша есть одна изъ провинцій Россійской Имперіи; и да будетъ позволено заявить отъ имени многихъ и многихъ, что мы объ этомъ не жалѣемъ, и что мысль о прочномъ сохраненіи этого *status quo* улыбается намъ гораздо больше, чѣмъ мысль о его разрушеніи.

Взглядъ этотъ совершенно понятенъ. Мы, евреи, не имѣемъ, конечно, никакихъ причинъ сочувствовать современному русскому правительству. Но исторія не стоитъ

на мѣстѣ. Рано или поздно во главѣ центральной власти окажутся тѣ элементы, которые теперь въ оппозиціи. Въ программѣ этихъ элементовъ написано равноправіе евреевъ, и мы пока не имѣемъ никакихъ основаній сомнѣваться въ ихъ серьезности и корректности въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ неопровержимо одно: если вообще суждено намъ въ Россіи добиться равноправія, получить его мы можемъ только изъ этихъ рукъ. На этой вѣрѣ построена вся система нашей борьбы за равноправіе: мы ждемъ волны, которая вынесетъ на гребнѣ своемъ элементы, признающіе догматъ равноправія. Но въ Польшѣ оппозицію противъ нынѣшней власти ведутъ элементы, принципиально отрицающіе догматъ равноправія, и если подыметъ волна, то на гребнѣ ея будутъ эти элементы. Поэтому совершенно естественно, что каждому изъ насъ, не потерявшему здраваго инстинкта, гораздо больше улыбается перспектива, при которой за порядкомъ въ Польшѣ будетъ слѣдить русскій прогрессистъ, чѣмъ такая перспектива, при которой этотъ порядокъ зависѣлъ бы всецѣло отъ польскихъ партій.

Дѣло тутъ не только въ настроеніи опредѣленныхъ русскихъ партій, напримѣръ, к-д. Дѣло вообще въ нѣкоторыхъ естественныхъ особенностяхъ, которыя въ странахъ многоплеменныхъ всегда присущи центральнымъ

парламентамъ и не могутъ быть присущи мѣстнымъ сеймамъ, муниципалитетамъ или земствамъ. Въ мѣстномъ сеймѣ національное большинство сидитъ наединѣ съ національнымъ меньшинствомъ и можетъ не стѣсняться, потому что меньшинству не на кого опереться, некого позвать на помощь. Въ центральномъ парламентѣ сидятъ представители многихъ народовъ: здѣсь тѣ, которые у себя въ сеймѣ могли бы не стѣсняться, вынуждены соблюдать извѣстный декорумъ; а тѣ, которые въ сеймѣ были бы совершенно беззащитны, здѣсь могутъ хоть попытаться найти себѣ союзниковъ, хоть попытаться позвать на помощь. Центральный парламентъ многоплеменной имперіи по самой природѣ своей всегда безпристрастнѣе мѣстныхъ органовъ именно въ случаѣ національныхъ конфликтовъ на мѣстахъ. Поэтому нечего тутъ играть въ прятки, когда дѣло ясно: мы заинтересованы въ томъ, чтобы меньшинства, проживающія въ Польшѣ, сохранили возможность, когда понадобится, звать на помощь кого слѣдуетъ изъ Петербурга. Само собой понятно, теперь это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ принести пользу. Но пора евреямъ учиться вести долгосрочную политику, рассчитанную также и на завтрашній день. Придетъ время, когда въ Петербургѣ будетъ власть, имѣющая уши. Мы кровно заинтересованы въ томъ, чтобы къ тому времени Петербургъ сохранилъ всю

полноту своего вліянія на дѣла Привислянскаго края.

На это иногда отвѣчаютъ, что таковъ, пожалуй, взглядъ людей, живущихъ внѣ Польши, но будто для «польскихъ» евреевъ эта точка зрѣнія неприемлема. Возможно даже, что и на эти мои строки—если онѣ будутъ замѣчены — кто-нибудь изъ «польскихъ» евреевъ или отъ ихъ имени запротестуетъ и выразитъ ихъ сочувствіе идеалу автономіи Польши. Заявляю заранее, что я къ такимъ протестамъ готовъ и ничего противъ нихъ не имѣю, ибо смотрю на нихъ такъ: это, повидимому, нужно ради мѣстной дипломатіи. Сомнѣваюсь только, чтобы даже самый наивный полякъ повѣрилъ въ искренность такихъ заявленій. И со своей стороны долженъ подтвердить, что я подобнымъ заявленіямъ тоже не вѣрю. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда эти заявленія «польскихъ» евреевъ субъективно искренни, они все-таки остаются неправдой, неправдой и неправдой съ перваго слова до послѣдняго. Здравый смыслъ есть у cadaго здороваго человѣка, рожденъ-ли онъ въ Варшавѣ или въ Минскѣ, даже хочеть-ли онъ обладать здравымъ смысломъ или нѣтъ. Нельзя не видѣть того, что преть въ глаза: разница въ отношеніи къ евреямъ у русскихъ и у польскихъ партій. Нѣтъ во всей Польшѣ ни одного еврея, который внутренно не отдавалъ бы себѣ отчета въ томъ, что благопріятнѣе

для равноправія: власть въ рукахъ Дмовскаго и Свѣнтоховскаго, или власть въ рукахъ Милюкова и Набокова. Конечно, вслухъ это еще въ Польшѣ не заявлено, и я отнюдь не имѣю претензіи давать въ этомъ отношеніи евреямъ, живущимъ въ Польшѣ, какіе-либо совѣты. Но ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что въ сознаніи еврейскаго населенія Польши, какъ пріѣзжаго, такъ и коренного, за вычетомъ считанныхъ единицъ, есть—ибо должны быть въ силу желѣзной логики жизни—элементы общегосударственныхъ и центростремительныхъ настроеній. Если дипломатичность требуетъ, чтобы «польскіе» евреи даже теперь манифестировали свой польскій энтузіазмъ, это ихъ дѣло. Но когда я пишу: мы кровно заинтересованы, чтобы Петербургъ сохранилъ всю полноту своего вліянія на дѣла въ Польшѣ,—то это я пишу обо всѣхъ шести милліонахъ евреевъ имперіи, безъ исключеній.

Это не значитъ, что мы вообще отрицаемъ за польскимъ народомъ право на самоопредѣленіе. Право самоопредѣленія народовъ такъ же непреложно, какъ и право самоопредѣленія индивидуумовъ. Но и для народовъ, и для индивидуумовъ обязательна въ этихъ случаяхъ одна предпосылка: зрѣлость. Зрѣлость индивида заключается въ томъ, что онъ топоромъ, который ему данъ для постройки себѣ дома, не зарубитъ встрѣчнаго человѣка. Зрѣлость народа за-

ключается въ томъ, что изъ автономіи или самоуправленія онъ не сдѣлаетъ орудія гнета надъ слабѣйшимъ сосѣдомъ; зрѣлость гражданская выражается прежде всего въ умѣннн уважать чужое право. До тѣхъ поръ, пока этотъ экзаменъ зрѣлости не сданъ, Польшѣ нужна не автономія и не самоуправленіе — Польшѣ нуженъ честный, англійскаго типа, губернаторъ, польскому обществу—гувернеръ.

Это и есть красная линія той политики, которую мы должны отнынѣ повести въ отношеніи польскаго вопроса. Если мы будемъ апеллировать къ еврейскому и россійскому общественному мнѣнію только для того, чтобы Жоресъ сказалъ полякамъ «фи» и имъ стало бы стыдно,—то правъ Нордау: это напрасная трата времени. Но совершенно другой смыслъ и другую цѣнность получить вся эта работа ошельмованія, если она будетъ направлена къ приктической цѣли: снять съ идеи самоопредѣленія Польши ореоль догмата, будто бы непреложнаго при какихъ угодно условіяхъ; расшатать популярность этой идеи въ глазахъ тѣхъ элементовъ, отъ которыхъ въ Россіи будутъ зависѣть въ послѣднемъ итогѣ и наши, и польскія права.

Насколько удастся намъ эта работа—это будетъ видно тогда, когда мы ее сдѣлаемъ.

II.

Съ пересмотромъ нашего отношенія къ польскому вопросу тѣсно связанъ пересмотръ нашего отношенія къ одной очень болѣзненной проблемѣ. Имѣю въ виду то обстоятельство, что еврей-уроженцы другихъ губерній, переселяющихся въ Польшу, часто оказываются обрусѣлыми и продолжаютъ на новомъ мѣстѣ пользоваться русскимъ языкомъ въ своемъ обиходѣ и въ своей культурной жизни. Они говорятъ по-русски дома, на улицѣ, въ лавкѣ, выписываютъ русскія газеты, покупаютъ русскія книги и ходятъ смотрѣть русскую драму. Поляки на этомъ основаніи говорятъ, что они руссифицируютъ Польшу.

Нечего пространно доказывать, что мы, еврейскіе націоналисты, считаемъ этотъ порядокъ ненормальнымъ и нежелательнымъ. По нашему мнѣнію, роднымъ языкомъ еврея долженъ быть еврейскій. Въ этотъ терминъ гебраистъ и жаргонистъ вкладываетъ неодинаковое содержаніе, но въ одномъ они за одно: во всякомъ случаѣ, языкомъ еврея, живи онъ въ Минскѣ или въ Варшавѣ, не долженъ быть никакой третій языкъ. Ни русскій, ни польскій, ни китайскій. Если нѣкоторые евреи въ Варшавѣ говорятъ по-русски, это съ нашей точки зрѣнія ненормально и нежелательно. Столь же ненормально и нежелательно то, что нѣкоторые

другіе евреи въ Варшавѣ говорятъ по-польски. Евреи должны говорить, мыслить и жить культурной жизнью по-еврейски.

Къ ненормальностямъ надо тоже относиться трезво и рассматривать ихъ не при свѣтѣ сентиментовъ, а при свѣтѣ резонансовъ. Совершенно тутъ не къ дѣлу былъ бы вопросъ о томъ, кто виноватъ въ возникновеніи этой ненормальности. Можетъ быть, сами евреи, можетъ быть, русскія условія, можетъ быть, — то и другое вмѣстѣ. Но фактъ тотъ, что въ настоящее время въ чертѣ осѣдлости есть тысячи евреевъ изъ такъ называемаго средняго круга, для которыхъ «родной» языкъ—русскій. При этомъ очень и очень многіе изъ нихъ никакимъ другимъ языкомъ (въ томъ числѣ и еврейскимъ) не владѣютъ настолько, чтобы свободно читать или говорить. Слѣдовательно, требовать, чтобы эти люди бойкотировали русскую рѣчь или русскую книгу, значить требовать, чтобы они вообще отказались отъ непринужденныхъ бесѣдъ и отъ культуры. Понимая, что объ этомъ не можетъ быть никакой рѣчи, даже самыя крайніе еврейскіе націоналисты подобнаго требованія не ставятъ. Они настаиваютъ на томъ, чтобы подростокъ получалъ воспитаніе на еврейскомъ языкѣ; но тотъ, кто уже обрусѣлъ, не можетъ мыслить, говорить и читать не на томъ языкѣ, съ которымъ онъ сросся.

Теперь представьте себѣ, что такой еврей переселяется въ Польшу. Онъ живетъ въ другомъ городѣ, но его натура осталась та же, и его естественный языкъ тотъ же. Отказаться отъ этого языка значить для него попрежнему обречь себя на вѣчную муштру. Прежде, живя въ Витебскѣ, онъ этой жертвы не приносилъ, онъ пользовался русской культурой, и никто въ этомъ не видѣлъ ничего неэтичнаго. Слѣдовательно, если онъ будетъ такъ же точно поступать во всякомъ другомъ городѣ — въ Варшавѣ, въ Шанхаѣ или на лунѣ — въ этомъ нѣтъ ничего неэтичнаго. Это не только его юридическое право—это и нравственное право, осуществлять которое онъ можетъ, если ему угодно, съ поднятой головой и смѣло глядя всѣмъ и каждому въ глаза.

Тутъ выступаютъ поляки и даютъ понять, что имъ это непріятно и неудобно. Они объясняютъ, что этимъ путемъ создается въ Польшѣ извѣстный оплотъ русской культуры, извѣстный рынокъ для сбыта ея цѣнностей, и этого они—по вполне понятнымъ причинамъ — боятся. Доводы очень вѣскіе. Пишущій эти строки, работая въ южной печати, самъ неоднократно призывалъ тамошнихъ евреевъ обратить серьезное вниманіе на аналогичные доводы въ устахъ другой народности—украинцевъ. Я совѣтовалъ и совѣтую еврею юга очень

и очень считается съ тѣмъ, что украинцы-пiонеры видятъ въ обрусѣлыхъ евреяхъ главныхъ руссификаторовъ городской Ук-райны. Но почему съ этимъ надо считается? Отнюдь не потому, чтобы обрусѣлый еврей въ Полтавѣ не имѣлъ нравственнаго права говорить, читать и слушать драму по-русски. А потому и только потому, что руководящія партіи національнаго украинства признаютъ право евреевъ на еврейскую національную культуру. Протестуя противъ обрусѣнія евреевъ, они не требуютъ отъ насъ превращенія въ малороссовъ и привѣтствуютъ всякій проблескъ націонализациі еврейства. Эта точка зрѣнія вполне корректная. Эти люди—по крайней мѣрѣ, теперь—смотрятъ на насъ, какъ на равноцѣнный народъ. Эти люди строятъ свои отношенія съ нами—по крайней мѣрѣ, теперь—на почвѣ добрососѣдскаго сожителства. А когда рѣчь идетъ о добрососѣдскихъ отношеніяхъ, тогда слѣдуетъ и очень слѣдуетъ считается съ тѣмъ, что доброму сосѣду непріятно или неудобно даже такое мое дѣйствіе, на которое я имѣю полное нравственное право.

Но я абсолютно отказываюсь понять, какъ можно считается съ національной щепетильностью народа, который принципиально не желаетъ считается съ національнымъ правомъ еврея. Ни одна изъ руководящихъ польскихъ партій не признаетъ евреевъ за равноцѣнный народъ, ни одна не признаетъ

за ними права на свою культуру, и поляки протестуютъ противъ обрусѣнія евреевъ только потому, что требуютъ полонизаціи. Это создаетъ въ правѣ совершенно особенныя отношенія, при которыхъ считается съ польской національной шепетильностью было бы глупо и нелѣпо. Деликатность въ политикѣ можетъ быть только взаимная, иначе она недопустима. Ибо одно изъ двухъ: или всѣ народности имѣютъ равное право на свою культуру, и національное чувство каждой изъ нихъ священно и неприкосновенно, — или же такого права вовсе нѣтъ, и національныя чувства поляковъ столь же мало священны, какъ и чувства евреевъ. Или всѣмъ поровну, или никому. Теорія о томъ, что есть народы высшаго и низшаго ранга, что поляки—да, а евреи—нѣтъ, на эту теорію мы можемъ отвѣтить только пожиманіемъ плечъ. И отсюда ясный выводъ: нравственный долгъ считается съ національной болѣзненностью поляковъ возникаетъ для евреевъ только тогда, когда поляки обнаружатъ готовность считается съ національной болѣзненностью евреевъ. Польская культура станетъ святыней въ глазахъ еврея только тогда, когда еврейская культура станетъ святыней въ глазахъ поляка. Если же можно (да еще подъ угрозой разгрома) требовать отъ евреевъ полонизаціи, то мы рѣшительно не видимъ, почему грѣшно содѣйствовать руссификаціи или германизациі поляковъ.

Это единственная точка зрѣнія, приѣмлемая для людей, у которыхъ одна гиря и одна мѣра въ вопросахъ этики и права.

Отсюда отчетливо вытекаетъ наше отношеніе къ русскому языку въ обиходѣ «литваковъ». Поскольку онъ есть наша національная болѣзнь, мы должны стараться излечить ее въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, воспитавъ ихъ по-еврейски. Но поскольку русскій языкъ въ настоящій моментъ есть фактически единственный языкъ для столькихъ-то тысячъ «литваковъ» въ Варшавѣ, постольку мы не видимъ для нихъ никакого основанія стѣсняться въ Варшавѣ и Лодзи больше, чѣмъ въ Петербургѣ или Вильнѣ. Имъ остается одно: столь же свободно, громко и увѣренно пользоваться имъ на улицахъ, въ лавкахъ, въ театрахъ Варшавы, какъ если бы это происходило въ Москвѣ, въ Шанхаѣ и на лунѣ. Ибо здоровый человекъ можетъ имѣть только одно отношеніе къ чувствамъ людей, которые принципиально игнорируютъ его чувства: тоже принципиально игнорировать.

Но это еще не все. Нельзя намъ закрывать глаза и на самыя тяжелыя перспективы. Национализація еврейства не возможна безъ национальной школы, притомъ школы полноправной. Намъ ея пока еще не даютъ; и самыя ярые противники ея — поляки. Поскольку это въ ихъ силахъ, они борются и

будутъ бороться противъ націонализаціи евреевъ не только въ Польшѣ, но и въ остальныхъ частяхъ Россіи — справедливо сознавая, что, если въ Вильнѣ будутъ когда-нибудь еврейскія гимназіи, то злой примѣръ заразитъ и Варшаву. Я не сомнѣваюсь, что побѣда въ этомъ спорѣ останется въ концѣ-концовъ за нами. Если Россіи суждено жить и развиваться, то своя школа у насъ будетъ, рано или поздно. Опасность, что національную школу получаютъ другія народности, а мы не получимъ, я считаю фантастической, по соображеніямъ, о которыхъ не здѣсь мѣсто говорить. Посему обсужденіе этой опасности представляетъ больше теоретическій интересъ. Но для того, чтобы наша позиція въ польскихъ дѣлахъ была совершенно ясна, полезно всмотрѣться и въ эту теоретически возможную опасность.

Эта теоретически-возможная опасность заключается въ предположеніи, что намъ своей школы не дождаться, и потому намъ грозитъ въ языковомъ отношеніи неизбежная ассимиляція. И я полагаю, что, если бы это случилось, для евреевъ въ Польшѣ, въ интересахъ самосохраненія, руссификація была бы желательнѣе полонизаціи.

Это положеніе я считаю логически неопровержимымъ. Нація-меньшинство нуждается въ языкѣ-изоляторѣ—языкѣ, который отличается отъ языка окружающаго насе-

ленія. Лучшимъ такимъ изоляторомъ былъ бы, конечно, еврейскій языкъ. Но если бы это оказалось невозможнымъ (сами поляки стараются, чтобы это оказалось невозможнымъ), и передъ народомъ возникла бы необходимость выбирать между двумя чужими языками, то съ національной точки зрѣнія предпочтительнѣе тотъ, который не есть мѣстный. Именно потому, что онъ не мѣстный. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обсуждая въ «Разсвѣтъ» дѣятельность Алліанса на Востокѣ, я писалъ, что обвиненіе, будто Алліансъ «ассимилировалъ» сефардовъ, есть пустая фраза. Онъ ихъ денационализировалъ—это да. Но ассимиляціей въ нашемъ словоупотребленіи называется нѣчто другое. Ассимиляціей называется переходъ къ языку мѣстнаго населенія. Алліансъ могъ бы «ассимилировать» сефардовъ, если бы насаждалъ среди нихъ турецкій языкъ. Но онъ турецкимъ языкомъ пренебрегалъ, а насаждалъ французскій — и довольно успѣшно. Благодаря этому, сефарды, какъ были, такъ и остались о с о б о й языковой группой среди мѣстнаго населенія. Конечно, было бы лучше, если бы Алліансъ воспиталъ ихъ на еврейскомъ языкѣ. Но какъ изоляторъ, какъ противоядіе противъ растворенія въ мѣстной средѣ, французскій языкъ въ Турціи—тоже недурное средство. Совершенно также рисуется вопросъ о руссификаціи евреевъ въ Польшѣ. Если бы они перешли

къ польскому языку, это была бы ассимиляция въ полномъ и настоящемъ смыслѣ слова. Ужъ тогда гораздо предпочтительнѣе, именно въ польской средѣ, обрусѣть. Это было бы тоже очень грустно, это денационализация, но, по крайней мѣрѣ, это не ассимиляция, это кой-какая ограда отъ полнаго культурнаго порабощенія мѣстной средою. Тѣ изъ насъ, которые — и надѣюсь, что такихъ много—видятъ въ языковой ассимиляции съ мѣстнымъ населеніемъ тягчайшее изъ несчастій, послѣдній и часто смертельный ударъ,—для тѣхъ выборъ ясенъ.

Въ нѣкоторомъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ выборъ этотъ имѣетъ и не только теоретическій интересъ. Даже при достиженіи права на національную культуру мы еще не сразу будемъ обладать достаточнымъ культурнымъ матеріаломъ; а теперь, когда и права-то еще нѣтъ, еврейская культура и совсѣмъ недостаточна. На еврейскихъ языкахъ нѣтъ и не скоро еще будетъ Шекспиръ и Кантъ, Риккардо и Вундтъ. Даже при самомъ строгомъ національномъ воспитаніи намъ нужна и еще долго будетъ нужна вторая дополнительная культура. Я считаю счастьемъ для еврейства, живущаго въ Польшѣ, что оно имѣетъ возможность получать эту дополнительную культуру не на мѣстномъ языкѣ. Это освобождаетъ его отъ взаимности по отношенію къ мѣстной средѣ. Для самочувствія, для собственнаго достоин-

ства гораздо удобнѣе, когда твой кредиторъ живетъ за тридевять земель, а не въ твоёмъ же городѣ. Это въ особенности цѣнно въ такой атмосферѣ, какая создалась въ Польшѣ.

Резюмируемъ. Мы не желаемъ ни руссификаціи, ни полонизаціи. Мы хотимъ создать еврейство, которое отъ дѣтскаго сада до государственнаго экзамена будетъ учиться на еврейскомъ языкѣ, и для котораго и русскій, и польскій будутъ чужими языками. Знакомыми, если нужно—даже хорошо знакомыми, но чужими. Но до тѣхъ поръ, пока есть, въ силу страшныхъ условій нашей жизни, столько-то тысячъ евреевъ, для которыхъ русскій языкъ сталъ «роднымъ», мы утверждаемъ за ними полное нравственное право пользоваться этимъ языкомъ во всю ширь своихъ потребностей—и въ Варшавѣ тоже. Если же полякамъ отъ этого больно, то съ этимъ обстоятельствомъ можно будетъ начать считаться только тогда, когда поляки начнутъ считаться съ тѣмъ, что и еврейскій бываетъ больно. Ни на часъ раньше. До тѣхъ поръ—не съ кѣмъ и нечего церемониться.

Дальше. Мы не желаемъ ни руссификаціи, ни полонизаціи. Но поскольку сила вещей или злая воля сосѣдей—въ томъ числѣ злая воля поляка — закрываетъ предъ нами третій, единственно прямой путь, постольку,

именно и особенно въ Польшѣ, ярмо обрусѣнія для еврея лучше, легче и благороднѣе ярма ополяченія.

Какіе слѣдуютъ отсюда выводы для практики, особенно для политической практики, —этого вопроса я здѣсь не касаюсь. Практика придетъ своимъ чередомъ. Для этого прежде всего важно выяснитъ наши интересы, ту, какъ говорятъ нѣмцы, *Stellungnahme*, которая логически вытекаетъ для насъ изъ создаваемаго положенія. А чтобы ее выяснитъ, надо судить о дѣлѣ холодно, жестко и трезво, считаясь съ интересами и не считаясь съ сентиментами. Ибо передъ нами атмосфера, гдѣ сентименты—въ томъ числѣ и самые святыя—давно ликвидированы,—и не по нашему почину.

III.

По вопросу о «моральности» политическаго отпора существуютъ въ еврейскомъ обществѣ ложные взгляды, отъ которыхъ слѣдовало бы намъ отдѣлаться не только по отношенію къ полякамъ, но и вообще.

Для того, чтобы устранить сентиментальный моментъ, который многимъ еще затуманиваетъ глаза, забудемъ на минуту о Польшѣ и вообразимъ, что рѣчь у насъ идетъ о Румыніи. Румынія имѣетъ приблизительно тотъ-же процентъ евреевъ, что и Польша, и евреи тамъ играютъ приблизи-

тѣльно ту же экономическую роль. Но Румынія независимое государство, самостоятельно издающее для себя законы, въ силу которыхъ евреи объявлены иностранцами и лишены правъ. Между тѣмъ, въ сосѣдней Австро-Венгріи евреи пользуются гражданскимъ и политическимъ равноправіемъ. Если бы Румынія потеряла свою независимость и стала бы австрійской или венгерской провинціей, то евреи получили бы и здѣсь равноправіе. Въ виду сего я рѣшительно отказываюсь понимать, съ какой стати я долженъ сочувствовать независимости Румыніи. Напротивъ, я считалъ бы чрезвычайно желательнымъ, чтобы Румынія стала венгерской провинціей, и чтобы законы ей давалъ не Бухарестъ, а Будапештъ. Конечно, если-бы въ Румыніи были серьезныя партіи, стоящія за равноправіе евреевъ, т. е. если бы можно было надѣяться, что настроеніе господствующей націи измѣнится,—тогда другое дѣло. Но покуда никакой осязательной надежды нѣтъ, до тѣхъ поръ дико и безсовѣстно требовать, чтобы еврей видѣлъ благо въ независимости Румыніи, которая сопряжена съ угнетеніемъ еврейства, и видѣлъ зло въ завоеваніи Румыніи австрійцами, которое сопряжено съ равноправіемъ евреевъ.

Остается вопросъ—такъ-ли на это смотрятъ сами румынскіе евреи. Но задать имъ

самимъ этотъ вопросъ было бы тоже дико. Они живутъ подъ властью румынскаго кулака, слѣдовательно, въ отвѣтъ очень стѣснены. Зато, однако, вообразите такой случай. Эта моя статья случайно попадаетъ на глаза редактору антисемитской газеты въ Бухарестѣ. Онъ на этомъ основаніи учиняетъ публичный допросъ евреямъ: правдали, что вы были бы рады, если бы вамъ дали равноправіе изъ Будапешта? Въ отвѣтъ на это всѣ евреи во всѣхъ синагогахъ приносятся присягу на вѣрноподданническія чувства по отношенію къ независимости Румыніи. Разъ они это дѣлаютъ, значитъ такъ и надо. Но за каждымъ наблюдателемъ остается право помнить, что присяга, данная въ условіяхъ, когда отказъ въ присягѣ грозитъ тяжелыми послѣдствіями, имѣетъ весьма спорную объективную цѣнность. И за каждымъ человѣкомъ, не отказавшимся еще отъ здраваго смысла, остается право самому судить о томъ, какъ отнеслись бы румынскіе евреи къ дарованію равноправія изъ Вѣны или Будапешта. И каждый такой человѣкъ скажетъ, что одно изъ двухъ: или эти евреи лишены человѣческихъ чувствъ, или они такому обороту будутъ внутренно рады. А если будутъ рады, то это еще, конечно, не значитъ, что они сами готовы практически помочь Францу-Іосифу. Но это несомнѣнно значитъ, что въ ихъ психологіи есть, ибо

должны быть, извѣстные центростремительные зародыши, и что дразнить ихъ безъ конца опасно для самой Румыніи. Что и требовалось доказать.

Примѣните это разсужденіе ко всякому другому краю, и вы получите ясные выводы. Какъ общее правило, несомнѣнно, что евреи должны, такъ-же какъ и всѣ другіе граждане, свято исполнять свои обязанности передъ большинствомъ, съ которымъ они живутъ. Но эти обязанности морально возникаютъ только на почвѣ равноправія. По крайней мѣрѣ, должна быть на лицо осязательная вѣроятность, что равноправіе будетъ дано въ моментъ общей эмансипаціи страны. Именно таково положеніе въ Россіи. Всѣ партіи, побѣда которыхъ означала-бы общую эмансипацію страны, всѣ до одной провозглашаютъ равноправіе необходимымъ условіемъ общей эмансипаціи. Оттого въ Россіи, среди населяющихъ ее народностей, въ томъ числѣ и евреевъ, фактически нѣтъ и психологически не можетъ быть серьезнаго сепаратизма. Но требовать в н у т р е н н е й лойяльности по отношенію къ господствующему народу тамъ, гдѣ никакой надежды на равноправіе нѣтъ,—это прежде всего глупо, ибо въ такихъ условіяхъ искренняя лойяльность (для людей, не рожденныхъ лакеями) психологически невозможна.

Въ примѣненіи къ Польшѣ это значитъ: если въ польскомъ обществѣ начнется серьезный общественный переломъ, если появятся партіи, провозглашающія полное равноправіе, и притомъ партіи, съ вліяніемъ которыхъ можно реально считаться,—тогда для еврея, живущаго въ Польшѣ, возникаетъ моральная обязанность передъ польскимъ обществомъ и его идеалами. Но до тѣхъ поръ, пока польское общество настроено по румынски, румынская аналогія остается въ полной силѣ до самаго конца.

Это—въ подобныхъ вопросахъ единственно моральная точка зрѣнія. Ибо тутъ передъ нами большинство и меньшинство, т. е. сильный и слабый. Нигдѣ и никогда никакая мораль не говоритъ, что сильному надо дать полную возможность обижать слабого, если онъ считаетъ сіе для себя необходимымъ. Напротивъ, мораль въ этомъ случаѣ требуетъ, чтобы нашелся нѣкто еще болѣе сильный, который схватилъ-бы сильнаго за руки и не давалъ ему бить слабого; а для этого надо, чтобы болѣе сильный держалъ сильнаго за руки до тѣхъ поръ, пока онъ не вытрезвится. Никакой другой этики на свѣтѣ нѣтъ, и никто ея не изобрѣтетъ. Лучшие моралисты Европы мечтаютъ о томъ, чтобы надъ Европой былъ центральный европейскій трибуналъ, къ которому могли

бы апеллировать угнетенные; и, конечно, при этомъ желательно, чтобы трибуналь этотъ не только могъ давать платоническіе совѣты, но имѣлъ бы и власть для охраненія нарушаемой справедливости. Напримѣръ, если поляки угнетены въ Германіи, то было бы очень желательно, чтобы какой-нибудь обще-европейскій трибуналь могъ властно заставить Германію уважать польскія права. Именно съ точки зрѣнія морали—нельзя даже за самостоятельными гасударствами признать нравственное право творить надъ меньшинствами все, что имъ угодно. Тѣмъ меньше смысла, съ точки зрѣнія морали, давать такое право отдѣльнымъ провинціямъ, т. е. отказываться отъ естественнаго центрального трибунала—отъ вліянія будущей либеральной общегосударственной власти.

Имморальна въ этомъ спорѣ только обратная точка зрѣнія. Требовать отъ еврея, чтобы онъ сочувствовалъ, содѣйствовалъ автономіи общества, которое, въ лицѣ всѣхъ своихъ вліятельныхъ партій, открыто обѣщаетъ использовать автономію для раззоренія и вытѣсненія евреевъ,—вотъ что имморально, вотъ что безнравственно, безсовѣстно и безстыдно.

То же смѣшеніе понятій господствуетъ у насъ еще и въ вопросѣ о русскомъ языкѣ. Я писалъ и повторяю, что обрусѣніе евреевъ есть явленіе ненормальное и болѣзненное;

охотно даже признаю, что оно есть явление глубоко immoralное. Вѣрю и надѣюсь, что оно исчезнетъ. Но совершенно въ другой плоскости лежитъ вопросъ о томъ, какой языкъ долженъ быть языкомъ сношеній между евреями и поляками въ Польшѣ. Когда еврей съ евреемъ говоритъ по-русски, это и есть признакъ національной болѣзни; но когда еврей говоритъ по-русски съ полякомъ, то оцѣнка этого явленія—вопросъ еще спорный. Многие, весьма многие и весьма почтенные люди въ Европѣ, настаиваютъ, что въ разноплеменномъ государствѣ, при полномъ уваженіи къ отдѣльнымъ національнымъ культурамъ, языкомъ для сношеній между разными народностями лучше всего можетъ служить языкъ общегосударственный. Когда въ Тифлисѣ сходятся интеллигентные грузины съ интеллигентными армянами, то сплошь и рядомъ говорятъ они другъ съ другомъ не по-армянски и не по-грузински, а по-русски, хотя и у тѣхъ, и у другихъ чрезвычайно развито національное самосознаніе, и хотя руссификаціи не хотятъ ни тѣ, ни другіе. Такую же роль начинаетъ играть русскій языкъ въ Баку, въ сношеніяхъ армянской и татарской интеллигенціи. Покуда армяне позволяли смотрѣть на себя сверху внизъ, до тѣхъ поръ они съ мусульманами говорили на ихъ языкѣ; но съ подъемомъ армянскаго самосознанія это стало для

армянъ неприемлемо, и татары вынуждены съ этимъ считаться, какъ считаются съ этимъ грузины въ Тифлисѣ. Въ Россіи больше ста племень, и я считалъ бы опаснымъ установить для евреевъ принципиальную повинность—говорить съ каждымъ на его языкѣ. Право поляковъ на польскій языкъ въ польской школѣ для меня столь же священно, какъ и право евреевъ на еврейскій языкъ въ еврейской школѣ; но право поляковъ требовать, чтобы и не-поляки говорили съ ними только по-польски, позвольте считать еще недоказаннымъ. Съ руссификаціей и прочими словами это не имѣетъ ничего общаго. Культурная самобытность націй—это одно, а то «эсперанто», на которомъ они ведутъ между собой дѣловыя сношенія—дѣло другое. Какъ рѣшаютъ для себя этотъ вопросъ евреи, живущіе въ Польшѣ, это ихъ дѣло. Но, какъ извѣстно, значительная часть ихъ въ Варшавѣ и Лодзи рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что говорить съ поляками не по-польски и не по-еврейски, а на языкѣ для обѣихъ націй нейтральномъ. И по адресу этой значительной части, которую такъ яростно травятъ польскіе шовинисты, я желаю сказать, что съ точки зрѣнія политической морали ея образъ дѣйствій совершенно безупреченъ, абсолютно и неоспоримо корректенъ.

Конечно, при идеальныхъ добрососѣд-

скихъ отношеніяхъ желательно нѣчто большее, чѣмъ простая корректность. Тогда, конечно, станутъ возможными и психологически-необходимыми взаимныя уступки, теплое вниманіе къ больнымъ струнамъ другъ у друга. Но прежде чѣмъ это проповѣдывать, надо выждать, чтобы та сторона проявила хоть маленькую готовность установить идеальныя добрососѣдскія отношенія на почвѣ взаимныхъ уступокъ и теплаго вниманія. До тѣхъ поръ въ основѣ отношеній можетъ лежать только одинъ принципъ: мое право, во чтобы то ни стало, и больше ничего.

Въ какихъ конкретныхъ дѣйствіяхъ должна выразиться тактика политическаго отпора—это въ свое время выяснится. Но и теперь ясно одно: или никакого политическаго отпора быть не можетъ, или онъ долженъ быть построенъ на принципахъ, выше и раньше изложенныхъ. И при этомъ я считаю совершенно непродуктивнымъ охать по поводу того, что тактика эта можетъ принести польскому обществу вредъ. Одно изъ двухъ: или не бороться, или борьба должна нанести вредъ тому, противъ кого ты борешься. Если есть наивные люди, которые вѣрятъ, будто можно отдѣлать «самооборону» отъ «нанесенія вреда», то это маниловщина. Только панъ Володыевскій, геній фехтовальнаго ремесла, могъ обороняться «безвреднымъ» способомъ—выбивая саблю изъ рукъ про-

тивника. Среднему фехтовальщику это не по силамъ, и ему остается одно: или быть самому раненымъ, или ранить. Экономическая самозащита есть на три четверти то же самое, что и бойкотъ. Чтобы «поддерживать еврейскую торговлю», придется перестать покупать у поляковъ. Чтобы очистить мѣсто на фабрикѣ десяти евреямъ, придется отказать въ работѣ десяти польскимъ мужикамъ, которымъ останется эмигрировать въ Америку. Разница только въ томъ, кто зачинщикъ, но борьба есть борьба. Тотъ «моральный отпоръ», то право апелляціи къ Жоресу и т. д., на которомъ теперь настаиваютъ даже ассимиляторы, есть не что иное, какъ первая попытка отпора политическаго; ибо, если ты дискредитируешь польское общество въ глазахъ прогрессивнаго міра, то при этомъ неизбежно въ душѣ прогрессивнаго міра зарождается подозрѣніе, что автономія Польши была бы использована для некрасивыхъ цѣлей. Кто сказалъ А, скажетъ и Б. Или молчите и глотайте оплеухи, или вы пойдете до конца.

ОТПОРЪ ОТПОРУ.

Кто-то изъ греческихъ философовъ—не помню именно который—совѣтовалъ своимъ ученикамъ, разгнѣвавшись, не бить рабовъ немедленно, а отложить исполненіе своего намѣренія на нѣкоторое время. Гнѣвъ обыкновенно утихаетъ, и разсердившійся господинъ въ большинствѣ случаевъ приходитъ къ убѣжденію, что, ударивъ раба, онъ поступилъ-бы несправедливо.

Такой-же точно методъ нужно примѣнить и въ политикѣ, методъ неспѣшности. Особенно въ моментъ всеобщаго возбужденія страстей на почвѣ разгорѣвшихся національныхъ трений. Тогда можно было-бы избѣгнуть не только напраснаго обостренія отношеній, не только не беречь безъ пользы раскрытую, зіяющую рану, но и не говорить того, что послѣ успокоенія и хладнокровнаго взвѣшиванія можетъ оказаться прямой несправедливостью.

Такой характеръ неспѣшности носить, по моему, статья В. Жаботинскаго. Вполнѣ

понятное чувство возмущенія, негодованія, чувство глубокой скорби при видѣ такой низкой политики, которая нынѣ ведется въ Польшѣ по отношенію къ евреямъ, вложили въ уста уважаемаго автора слова, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ показались бы ему странными, а черезъ нѣсколько лѣтъ покажутся, быть можетъ, опрометчивыми. И авторъ спѣшитъ оградить себя напередъ заявленіемъ, что онъ готовъ къ протестамъ, но протесты эти будутъ истекать изъ дипломатическихъ соображеній, а поэтому онъ ихъ заранѣ игнорируетъ. Неужели г. Жаботинскій считаетъ себя непогрѣшимымъ, а всѣхъ не соглашающихся съ нимъ либо притворяющимися во имя дипломатіи, либо... наивными?

Ни я, ни другіе польскіе товарищи не дѣлимъ евреевъ на тутошнихъ и тамошнихъ и не отрицаемъ за «тамошними» право высказываться по поводу положенія «тутошнихъ». Наоборотъ: пусть высказываются, тѣмъ лучше для насъ. Но пусть-же согласятся съ тѣмъ, что они могутъ ошибаться, во-первыхъ, потому, что они люди, а, во-вторыхъ, потому, что они живутъ не тутъ, а тамъ.

Мы не дѣлимъ евреевъ на тамошнихъ и тутошнихъ въ національномъ смыслѣ, ни даже въ обширно-политическомъ. Но въ узко-

политическомъ смыслѣ все-таки приходится считаться съ тѣмъ, что отдѣльныя группы евреевъ живутъ нынѣ въ совершенно различныхъ политическихъ условіяхъ, и что, кромѣ общихъ теоретическихъ истинъ, есть еще частныя житейскія правды, которыя необходимо учитывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Нельзя не согласиться съ г. В. Жаботинскимъ въ томъ, что результаты бойкота могутъ отразиться на еврейской шкурѣ всего міра; скажемъ больше: они уже отражаются, ибо польскія колоніи бойкотируютъ еврейскую торговлю въ... Юрьевѣ и Ставрополѣ. Но изъ этого можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: слѣдуетъ повести солидарную борьбу противъ бойкота. А въ чемъ должна эта борьба состоять,—для сужденія объ этомъ надо обратиться прежде всего за мнѣніемъ къ тѣмъ, на кого бойкотъ обрушивается въ первой линіи со всей своей силой. А ргіогі же игнорировать мнѣніе тѣхъ, кто лучше всего освѣдомленъ по данному вопросу, называть это мнѣніе «дипломатіей»—непростительно. Спасая человѣка, лежащаго подъ обломками съ разбитаго поѣзда, мы должны прежде всего сообразоваться съ тѣмъ, чтобы груда лежащихъ на немъ балокъ и перекладинъ не придавила его еще сильнѣе...

Правильно замѣчаетъ авторъ «Отпора», что нынѣшній походъ поляковъ «стремится

деморализовать правосознание прогрессивных партий в Польшу». Но, къ сожалѣнію, авторъ приступаетъ къ разрѣшенію наболѣвшаго соціального вопроса безъ какого-либо руководящаго идеала, безъ общаго прогрессивнаго принципа.

Отсутствіе общаго принципа влечетъ у Жаботинскаго за собой нѣкоторую слѣпоту: смѣшеніе преходящаго, временнаго съ извѣчнымъ, съ постояннымъ. Настоящая антисемитская волна въ Польшѣ, охватившая даже прогрессивную часть общества—это лишь временное явленіе, возникшее на почвѣ политическаго угнетенія Польши и зарожденія въ ней кореннаго мѣщанства. Но настроенію этому не суждено быть вѣчно: оно минуетъ, и минуетъ сравнительно скоро. Мы не утверждаемъ, что поляки станутъ филосемитами, да этого и требовать отъ нихъ смѣшно. Но волна антисемитскаго подъема пройдетъ, польское общество свыкнется съ мыслью, что экономическихъ явленій жизни насильно политическими формулами не повернешь, что бойкотъ евреевъ не прогонитъ ихъ изъ Польши въ теченіе десятка, другого лѣтъ, а лишь заставитъ ихъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. И наступитъ мирное сожителство національностей, сопровождаемое тѣми лишь треніями, безъ которыхъ оно немислимо, и тѣмъ постепеннымъ вытѣсненіемъ еврейства, которое является повсе-

мѣстнымъ, естественнымъ послѣдствіемъ діаспоры.

Къ тому же сужденія Жаботинскаго о поголовномъ зараженіи польскаго прогрессивнаго общества антисемитизмомъ—скороспѣлы. Заражены имъ лишь мѣщанскія quasi-прогрессивныя группы. Но крайняя лѣвая буржуазнаго прогресса и всѣ пролетарскія группы этому настроенію не поддались, а, напротивъ, реагируютъ смѣлѣе противъ него. И если ихъ голосъ не такъ слышенъ, то потому лишь, что они вынуждены работать въ подпольѣ. Безспорно, линія антисемитизма гораздо глубже врѣзалась въ польское общество, и охватила тѣ классы, которые въ русскомъ обществѣ заявляютъ о своемъ филосемитизмѣ, но вѣдь надо помнить о томъ, что русскому не съ кѣмъ бороться за свое національное существованіе, въ то время, какъ многолѣтняя борьба поляковъ за сохраненіе своего національнаго облика создала у нихъ особенную національную впечатлительность. А впечатлительность такая въ извѣстные моменты переходитъ въ истерическую болѣзненную гиперэстезію, въ склонность видѣть врага тамъ, гдѣ его въ сущности и вовсе не бывало. Въ Россіи объ еврейскомъ засиліи кричатъ только тѣ, кому это выгодно; въ Польшѣ боятся еврейскаго засилья и люди честные, но изнервничавшіеся, которымъ повсюду мерещатся вра-

ги отечества. Поэтому въ то время, какъ въ Россіи сознательный антисемитизмъ развитъ лишь среди моральныхъ подонковъ общества, въ Польшѣ онъ на время охватилъ и верхи его.

Впрочемъ, я не ручаюсь нисколько за то, что руководящія російскія группы такъ ужъ принципиальны въ вопросѣ объ еврейскомъ равноправіи. Еврейскій вопросъ фактически въ Россіи не существуетъ, онъ созданъ искусственно, и поэтому онъ кровныхъ интересовъ прогрессивныхъ верховъ російскаго общества не затрагиваетъ. Вѣдь серьезно бояться засилья со стороны группы, образующей всего 4,6% населенія, могла бы только нація какихъ-то полуидіотовъ, а не такая крѣпкая и сравнительно культурная народность, какъ русская. Поэтому-то кадеты и т. п. могутъ такъ смѣло до поры до времени говорить объ еврейскомъ равноправіи. Но были моменты въ ихъ дѣятельности, которые все время таки убѣдили насъ въ томъ, что и они готовы отречься на время отъ требованія равноправія за чечевичную похлебку, правда, не чистую, а съ извѣстнымъ соусомъ. Если поэтому Жаботинскій опасается вреднаго вліянія на нихъ нынѣшняго польскаго движенія, то я готовъ ему вѣрить, но на гѣ круги, въ рукахъ которыхъ впрямь покоится будущее Россіи, и на тѣ группы, которыя создадутъ фактически бу-

дущую Польшу, лозунгъ слѣпого антисемитизма не повліяетъ. А на не особенно крѣпкихъ въ принципіальной политикѣ кадетовъ и пр. прогрессистовъ можетъ очень деморализующе повліять и предложеніе Жаботинскаго: не давать права той или иной группѣ, пока она созрѣетъ. Вѣдь критеріи зрѣлости—самые разнообразныя и притомъ весьма субъективнаго свойства. А разъ мы отъ принциповъ перейдемъ къ субъективнымъ критеріямъ, то тутъ прогрессу и крышка...

Национальная болѣзненная чуткость сильно развита въ польскомъ обществѣ, и антисемитизмъ поэтому захватилъ въ немъ широкіе круги. И надо сознаться: тѣ круги даже, которые имъ не охвачены, все-таки ласкали себя надеждой, что еврейство исчезнетъ, но исчезнетъ именно потому, что они его не будутъ гнать отъ себя. И они недовольны, если имъ говорить, что они заблуждаются. Однако, этого имъ ставить въ упрекъ нельзя. Если кто-нибудь виновенъ въ томъ, что они недовольны, слыша о національномъ возрожденіи еврейства, то это лишь наши ассимиляторы, которые столько десятилѣтій твердили азбучную якобы истину, что евреи встѣ-вотъ, того ужъ и гляди, станутъ поляками. И слыша теперь противоположное, они пробуждаются изъ того сладкаго полузабытія, въ которомъ ихъ убаюкало многолѣтнее жужжаніе ассимиляторовъ. А въ самомъ

желаніи поляковъ непринужденной ассимиляціи еврейскаго элемента отнюдь ничего ни плохого, ни реакціоннаго усмотрѣть нельзя. Для еврея ассимиляція—это ренегатство, это смерть, но для поляка ассимиляція еврея—это желанное явленіе, и упрекать въ этомъ его нельзя, на сколько это остается лишь въ области чувствъ, а не практическихъ мѣропріятій.

Вѣря въ міровой прогрессъ, мы должны согласиться и съ тѣмъ, что сама жизнь разубѣдитъ нынѣшнихъ бойкотистовъ въ правильности ихъ постановки еврейскаго вопроса и приведетъ ихъ къ тому убѣжденію, что какъ ни желательно для нихъ полное исчезновеніе еврейства, но насильно сдѣлать это нѣтъ возможности, естественнымъ путемъ это не произойдетъ, и мстить за это нѣтъ смысла. Если же мы въ побѣду истины не вѣримъ, если намъ все будущее чело-вѣчества кажется лишь постоянной борьбой зла со зломъ, ограниченія съ ограниченіемъ, борьбой, въ которой допустимы всякіе способы, всякіе приемы, лишь бы побѣдить врага,—то тогда и бороться не изъ-за чего. Мстя полякамъ противодѣйствіемъ ихъ національнымъ чаяніямъ за то только, что они не хотятъ уважать нашихъ, мы лишь ожесточаемъ ихъ, отдаляемъ минуту прозрѣнія и успокоенія, и притомъ безъ всякой пользы для себя, ибо, съ одной стороны, да-

же у тѣхъ «оппозиціонныхъ» элементовъ, которые «рано или поздно окажутся во главѣ центральной власти», возбуждаемъ такой политикой сомнѣніе, насколько мы сами являемся прогрессивнымъ элементомъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ В. Жаботинскаго, въ которомъ онъ указываетъ на различія, существующія между положеніемъ національнаго большинства въ центральномъ парламентѣ многоплеменнаго государства и въ мѣстныхъ сеймахъ. Но выводы его отнюдь не оправдываются предпосылками. Нельзя, вѣдь, смѣшивать автономіи съ независимостью, нельзя въ фактѣ предоставленія Польшѣ автономіи усматривать дуализмъ Россійской Имперіи. Автономное правительство всегда находится по основнымъ вопросамъ управленія въ зависимости отъ центральнаго. И всегда можно въ случаяхъ нарушенія основной конституціи государства автономными властями апеллировать къ центральному органу. Да притомъ гарантія правъ евреевъ, какъ національнаго меньшинства, можетъ быть включена въ автономную конституцію.

Но даже въ случаѣ достиженія, положимъ, Польшей полной самостоятельности, положеніе еще не такъ страшно. Провести такую пограничную линію, чтобы внутри ея остались одни лишь поляки, нѣтъ возможности. Всегда будутъ захвачены группы русинъ,

русскихъ, нѣмцевъ, литовцевъ, которыя образуютъ національно-миноритарныя организаціи, естественныя союзницы еврейства. А затѣмъ, свободная отъ внѣшняго гнета страна должна быстро развиваться экономически, благодаря чему должна послѣдовать оживленная борьба классовъ, въ которой должны побѣдить раньше или позднѣе болѣе прогрессивныя группы. И борющіяся классовыя меньшинства тоже будутъ искать поддержки у евреевъ, а общій прогрессъ устранить возможность угнетенія національныхъ меньшинствъ.

Все это теоретическія соображенія, но выводъ изъ нихъ тотъ, что ни въ интересахъ польскаго еврейства въ частности, ни въ интересахъ еврейства вообще не лежитъ противодѣйствіе стремленіямъ польскаго народа. Интересы еврейства идутъ рука объ руку съ интересами всѣхъ тѣхъ, кто угнетенъ, съ интересами національныхъ меньшинствъ, съ интересами угнетенныхъ классовъ населенія. Словомъ, будущность еврейства—въ общечеловѣческомъ прогрессѣ, и всякая политика, направленная противъ любого изъ пунктовъ прогрессивной программы, въ концѣ-концовъ поражаетъ само еврейство.

Насколько еще можно согласиться кое съ чѣмъ въ соображеніяхъ В. Жаботинскаго относительно соотношеній между центральнымъ и мѣстнымъ органами управленія по

еврейскому вопросу, настолько же совершенно неприемлема его точка зрѣнія по вопросу объ употребленіи евреями русскаго языка. Ставить вопросъ такъ, что мы не будемъ считаться съ національной щепетильностью народа, который не хочетъ считаться съ нашими національными правами—это довольно странно. Дѣлать кому-либо зло только потому, что онъ мнѣ дѣлаетъ зло—нельзя. Здѣсь вопросъ не о «деликатности въ политикѣ», а о принципиальности. Если мы считаемъ непростительнымъ грѣхомъ всякую денационализацію, то это правило одинаково примѣнимо ко всѣмъ случаямъ.

Съ русскимъ языкомъ у русскаго еврея въ Польшѣ можно примириться лишь, какъ съ практической необходимостью до поры до времени. Евреи между собой, разъ они уже не въ состояніи говорить по-еврейски, могутъ говорить и по-русски, и по-татарски—и въ театрѣ, и въ лавкѣ, и всюду, гдѣ имъ угодно,—никому нѣтъ до этого дѣла. Но обращаться къ поляку по-русски, требовать отъ него отвѣта на чуждомъ ему языкѣ,—это значить, содѣйствовать его руссификаціи, а это уже не наше дѣло, не евреевъ. Для этого есть особыя власти.

Да и порядочный русскій въ Польшѣ, не показной, а искренній прогрессистъ спѣшитъ научиться польскому языку для того, чтобы въ обиходѣ съ поляками не заставлять

ихъ говорить не по-польски. Уважай другихъ, если хочешь, чтобы они уважали тебя,—это такая аксіома, которую и доказывать не приходится. И только на почвѣ взаимнаго уваженія могутъ возникнуть мирныя сосѣдскія отношенія. Пусть же примѣръ уваженія первый подастъ тотъ, кто сильнѣе пострадалъ отъ неуваженія, пусть проводить въ жизнь прогрессивные принципы тотъ, кто связалъ свою судьбу съ міровымъ прогрессомъ, кто не хочетъ, чтобы его уличили въ лживой двуличной политикѣ, какъ уличенъ уже Дмовскій и Польское Коло.

Неправъ Жаботинскій и практически, когда онъ смотритъ на руссификацію польскаго еврейства, какъ на изоляторъ противъ ассимиляціи. Это лишь ассимиляція на изнанку.

Жизнь намъ дала уже примѣръ такой ассимиляціи. Познанскіе евреи не только вполне ассимилировались съ нѣмцами, но идутъ даже во главѣ самаго реакціоннаго шовинистическаго нѣмецкаго движенія въ Познани, поддерживая и словомъ и дѣломъ такъ называемыхъ гакатистовъ. И изоляторъ не помогъ, и евреи ассимилировались. А наоборотъ, галиційское еврейство отнюдь не ассимилировано, хотя интеллигентные слои его говорятъ исключительно по-польски.

Не слѣдуетъ особенно восхищаться корректностью украинцевъ. Тамъ, гдѣ они при-

обрѣтають силу, тамъ ихъ корректность становится довольно сомнительной, напр., въ Галиціи при обсужденіи реформы избирательнаго закона. Если русскіе украинцы привѣтствуютъ націонализацию южнаго еврейства, то это вполне понятно: съ нарожденіемъ каждаго новаго еврейскаго націоналиста убываетъ одинъ русскій, т. е. лагерь противниковъ уменьшается. А это въ данный моментъ и есть для нихъ самое существенное. Не такъ въ Польшѣ: здѣсь каждый «объевреившійся» еврей - интеллигентъ—это выбывшій изъ строя полякъ, каждый пробудившійся сознательно еврей изъ массы—это потерянная надежда на будущаго поляка. И если украинцы станутъ сильнѣе русскихъ у себя, то и они иначе посмотрятъ на націонализацию еврейства.

Отпоръ намъ нуженъ,—это вѣрно, и отпоръ не только экономической, но и политической,—это тоже фактъ. Мы должны сплотиться и отразить солидарно удары врага, но мы должны сплотиться не только сами другъ съ другомъ, а вообще со всякими прогрессивными элементами, и притомъ сплотиться вокругъ одного общаго идеала, которому имя: прогрессъ и любовь. На челоуко-ненавистничество мы должны отвѣчать требованіемъ прогрессивныхъ мѣропріятій, которыя одной силой своей идеи вышибли бы оружіе изъ рукъ врага. Поляки требуютъ

самоопредѣленія—не будемъ снимать съ него ореоль догмата; это неэтично! Но выступимъ противъ этого лозунга съ болѣе высокимъ лозунгомъ: самоопредѣленіе всѣхъ національныхъ меньшинствъ, гарантія ихъ правъ. Этотъ лозунгъ совмѣститъ въ себѣ и требованія поляковъ и наши, и вокругъ этого лозунга сомкнутся всѣ, дѣйствительно, прогрессивныя группы.

INSTITUT
BADAŃ LITERACYJNYCH I
BIBLIOTEK
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 14
Tel. 26-68-63

На складѣ книгоиздательства и книжного склада „ВОСТОКЪ“

имѣются книги по: національному вопросу, вопросамъ еврейской общественности, сіонизму, палестиновѣдѣнію и колонизации, изящной литературѣ и друг.—на русскомъ, еврейскомъ и разговорно-еврейскомъ языкахъ.

Библиотека „ВОСТОКЪ“ — свыше 100 книгъ и брошюръ для самообразования по вопросамъ еврейской общественности: **вмѣсто 20 р. за 6 р.** (Пересылка въ предѣлахъ Европейской Россіи бесплатно).

BÜCHER der JÜDISCHEN RENAISSANCE,

изданія «JÜDISCHER VERLAG» Berlin
на нѣмецкомъ языкѣ, въ роскошн. изящныхъ переплетахъ.

Гравюры еврейск. націон. содержанія,

изданія „PHENIX“ Berlin
копіи картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Каталогъ по первому требованію высылается БЕЗПЛАТНО.

УСЛОВІЯ ДЛЯ ЗАКАЗОВЪ:

1. Заказы на сумму до 1 рубля высылаются исключительно по полученіи денегъ (можно почтовыми марками); свыше 1 р. высылаются также налож. платеж. (за исключеніемъ гравюръ).
2. Выписывающіе на сумму отъ 1 до 2 р. получаютъ скидку въ размѣрѣ 10% заказа, отъ 2 до 5 руб.—20%, отъ 5 до 10 руб.—25%, свыше 10 руб.—30%.
3. Стоимость пересылки по почтовому тарифу (и стоимость налож. платежа) присчитывается къ суммѣ заказа.
4. По изданіямъ „Jüdischer Verlag“, „Phenix“ скидка не предоставляется.
5. Книгоиздательство беретъ на себя трудъ по доставкѣ всевозможныхъ еврейскихъ книгъ и неизмѣющихся на складѣ еврейскихъ изданій (по дѣйствительной ихъ стоимости).

Адресъ: С.-Петербургъ. Торговая, 11.

Цѣна 15 коп.

„ДЕШЕВАЯ ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Изд-во „ВОСТОКЪ“ С.-Петербургъ

ВЫШЛИ:

- № 1. Теодоръ Герцль. ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.
Цѣна 15 коп.
- № 2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ. Статьи: Макса Нордау, А. Идельсона, Д. Пасманика.
Цѣна 15 коп.
- № 3. ПОЛЯКИ и ЕВРЕИ. Статьи: А. Гартгляса, А. Давидсона, В. Жаботинскаго, Я. Киршрота, Observer'a.
Цѣна 15 коп.
- № 4. НОВОЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗІЯ: I. Х.-Н. Бяликъ, ст. Бааль-Махшовеса. II. С. Черниковскій, ст. А. Гольдштейна.
Цѣна 15 коп.

Складъ изданія:

Книгоизд. и книжн. складъ „ВОСТОКЪ“.

С.-ПІЕТЕРБУРГЪ, Торговая, 11.

F

22.419